

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Меры уголовно-процессуального принуждения: сущность, назначение, основание применения»

Обучающийся

Д.В. Кузьмина

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

А.Р. Тахаутдинова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Актуальность темы исследования. Обеспечение законности и правопорядка в сфере уголовного судопроизводства невозможно без надежного механизма государственного принуждения. Центральное место в этом механизме занимают меры уголовно-процессуального принуждения, представляющие собой ограничения прав и свобод лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса. Дискуссии о соразмерности и обоснованности применения таких мер, как заключение под стражу, домашний арест, залог, а также иные меры пресечения и иные меры процессуального принуждения, продолжаются как в научной доктрине, так и в правоприменительной практике. Высшие судебные инстанции регулярно дают разъяснения по вопросам их применения, что подчеркивает высокую значимость и динамичность развития данного института. Все это обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере применения мер уголовно-процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве.

Предметом исследования выступают нормы уголовно-процессуального права России, регламентирующие систему, сущность, назначение и основания применения мер процессуального принуждения; теоретические воззрения на данный институт; а также материалы судебной и следственной практики.

Цель исследования – комплексный теоретико-правовой анализ мер уголовно-процессуального принуждения, их сущности, назначения и оснований применения, а также разработка на этой основе предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности.

Структура работы включает введение, три главы, заключение, список используемых источников и используемой литературы.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретико-правовые основы мер уголовно-процессуального принуждения	7
1.1 Понятие, признаки и сущность мер уголовно-процессуального принуждения.....	7
1.2 Становление и развитие мер уголовно-процессуального принуждения.....	14
1.3 Цели, задачи и система мер уголовно-процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве	22
1.4 Классификация мер уголовно-процессуального принуждения	29
Глава 2 Основания, условия и порядок применения мер уголовно-процессуального принуждения	36
2.1 Общие основания и условия применения мер процессуального принуждения.....	36
2.2 Задержание подозреваемого как мера процессуального принуждения	42
2.3 Основания и процессуальный порядок избрания мер пресечения ..	51
2.4 Основания и порядок применения иных мер процессуального принуждения.....	63
Глава 3 Проблемы правового регулирования и практики применения мер уголовно-процессуального принуждения и пути их совершенствования	72
Заключение	81
Список используемой литературы и используемых источников	85

Введение

Актуальность темы исследования. Обеспечение законности и правопорядка в сфере уголовного судопроизводства невозможно без надежного механизма государственного принуждения. Центральное место в этом механизме занимают меры уголовно-процессуального принуждения, представляющие собой ограничения прав и свобод лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса. Эти меры являются необходимым инструментом для достижения целей уголовного судопроизводства: раскрытия преступлений, изобличения виновных, обеспечения исполнения приговора и защиты прав потерпевших.

В современном правовом государстве, каким провозглашена Российская Федерация, существует фундаментальный конфликт между необходимостью эффективного ведения следствия и незыблемостью прав и свобод человека и гражданина. С одной стороны, без применения мер принуждения невозможно пресечь противодействие расследованию, обеспечить явку участников процесса или сохранить доказательства. С другой стороны, любое принуждение сопряжено с ограничением конституционных прав, что создает потенциальную угрозу для личности. Эта дихотомия обуславливает постоянную научную и практическую полемику вокруг оснований, порядка и пределов применения процессуального принуждения.

Особую актуальность теме придают непрекращающиеся реформы уголовно-процессуального законодательства, направленные на поиск оптимального баланса между интересами государства и правами личности. Дискуссии о соразмерности и обоснованности применения таких мер, как заключение под стражу, домашний арест, залог, а также иные меры пресечения и иные меры процессуального принуждения, продолжаются как в научной доктрине, так и в правоприменительной практике. Высшие судебные инстанции регулярно дают разъяснения по вопросам их применения, что подчеркивает высокую значимость и динамичность развития данного

института. Все это обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере применения мер уголовно-процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве.

Предмет исследования – нормы уголовно-процессуального права России, регламентирующие систему, сущность, назначение и основания применения мер процессуального принуждения; теоретические воззрения на данный институт; а также материалы судебной и следственной практики.

Цель исследования – комплексный теоретико-правовой анализ мер уголовно-процессуального принуждения, их сущности, назначения и оснований применения, а также разработка на этой основе предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности.

Исходя из цели исследования, были поставлены следующие задачи:

- раскрыть понятие и определить юридическую природу уголовно-процессуального принуждения;
- исследовать систему и классификацию мер уголовно-процессуального принуждения;
- проанализировать назначение (цели) применения мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве;
- определить и охарактеризовать основания и условия применения мер уголовно-процессуального принуждения;
- выявить проблемы правового регулирования и практики применения отдельных мер пресечения и иных мер процессуального принуждения;
- сформулировать предложения по оптимизации законодательной регламентации и совершенствованию практики применения исследуемых мер.

Степень научной разработанности темы. Проблематика уголовно-процессуального принуждения является традиционной для отечественной

юридической науки. Значительный вклад в ее разработку внесли такие видные ученые, как В.П. Божьев, А.Д. Буряков, А.В. Гриненко, В.А. Давыдов, Л.М. Карнеева, В.А. Михайлов, И.Л. Петрухин, В.М. Корнуков, В.Н. Шпилев и другие. Их трудами были заложены теоретические основы понимания сущности, классификации и назначения мер процессуального принуждения.

Несмотря на обширную научную литературу, многие аспекты темы остаются дискуссионными. Это касается критериев дифференциации видов принуждения, определения понятия «основания применения» в его соотношении с «условиями» и «мотивами», а также проблем правоприменения, связанных с судебским усмотрением при избрании меры пресечения. Настоящее исследование опирается на достижения предшественников, но направлено на комплексный анализ института в его современном состоянии, с учетом последних изменений законодательства и складывающейся судебной практики.

Нормативную базу исследования образуют Конституция Российской Федерации [19], Уголовно-процессуальный кодекс РФ [40], Уголовный кодекс РФ [41], постановления Пленума Верховного Суда РФ [32], а также иные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы применения мер процессуального принуждения.

Методологическая основа исследования включает совокупность общенаучных и частно-научных методов познания. В работе использовались историко-правовой, формально-логический, сравнительно-правовой, системно-структурный и статистический методы. Применение этих методов позволило проанализировать правовые нормы в их развитии и взаимосвязи, обобщить практику их применения и сформулировать теоретические выводы и практические рекомендации.

Исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретико-правовые основы мер уголовно-процессуального принуждения

1.1 Понятие, признаки и сущность мер уголовно-процессуального принуждения

Уголовное судопроизводство по своей природе является властно-принудительной деятельностью государства, направленной на раскрытие преступления и изобличение виновного. В этой деятельности неизбежно возникает конфликт между необходимостью достижения целей процесса и сопротивлением им со стороны заинтересованных лиц. Разрешение этого конфликта обеспечивается с помощью особого инструментария – мер уголовно-процессуального принуждения.

Понятие мер уголовно-процессуального принуждения в науке уголовного процесса не имеет единой трактовки, однако его можно определить через ключевые характеристики. В наиболее общем виде под мерами уголовно-процессуального принуждения понимаются предусмотренные уголовно-процессуальным законом средства ограничения прав и свобод личности, применяемые уполномоченными государственными органами и должностными лицами в целях успешного осуществления задач уголовного судопроизводства.

«Более узкое, формально-легальное определение основывается на положениях УПК РФ. Хотя кодекс не дает общего понятия, он детально регламентирует конкретные меры. Исходя из системного анализа норм, меры уголовно-процессуального принуждения – это регламентированные главой 14 УПК РФ процессуальные средства принудительного характера, применяемые к подозреваемому, обвиняемому, а в ряде случаев – к иным участникам уголовного судопроизводства, для предотвращения противоправного поведения, обеспечения процедуры расследования и рассмотрения уголовного дела» [36].

Заметим, что формирование единого и общепризнанного понятия мер уголовно-процессуального принуждения является одной из классических проблем науки уголовного процесса. Отсутствие легального определения в УПК РФ провоцирует научную дискуссию, в рамках которой можно выделить несколько ключевых подходов, раскрывающих разные аспекты этого сложного правового явления.

Первое – это широкий (функциональный) подход. Сторонники этого подхода связывают применение принуждения с самой природой уголовного процесса, рассматривая его как неотъемлемый атрибут государственной власти.

М.С. Строгович [37] определял уголовно-процессуальное принуждение как «совершение процессуальных действий против воли заинтересованных лиц». В такое понимание он включал не только традиционные меры пресечения и иные меры принуждения, но и, например, принудительный привод, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования. Ключевым критерием здесь выступает сам факт преодоления воли участника процесса.

П.С. Элькинд [51] также придерживалась широкой трактовки, понимая под ним «осуществляемое в строго установленных законом формах психическое, физическое или имущественное воздействие на личность участников процесса... с целью преодоления их противодействия и обеспечения задач уголовного судопроизводства». Данное определение акцентирует внимание на разнообразии форм воздействия (психическое, физическое) и его целевой направленности.

Ряд современных ученых, вслед за В.П. Божьевым [5], справедливо указывают, что такой подход чрезмерно расширяет понятие принуждения, стирая грань между собственно мерами принуждения и другими властными полномочиями следователя и суда. Если следовать этой логике, любое процессуальное действие, совершаемое по инициативе государства (например, допрос), можно считать принудительным.

Второе – это узкий (формально-легальный) подход. Этот подход основывается на системном толковании норм УПК РФ и ограничивает понятие мер принуждения только теми из них, которые прямо обозначены в законе как «меры процессуального принуждения».

В.П. Божьев [5] предлагает четкое разграничение. Он относит «к мерам процессуального принуждения только те меры, которые перечислены в Разделе IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения» (гл. 12-14). Это, в первую очередь, задержание, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения (обязательство о явке, привод и т.д.). Все иные действия (обыск, выемка, освидетельствование) он рассматривает как «процессуальные действия принудительного характера», которые, безусловно, являются формой государственного принуждения, но не входят в систему мер, предусмотренных указанным разделом».

А.П. Рыжаков [33] также настаивает на формальной критерии, подчеркивая, что понятие должно выводиться из структуры УПК РФ. Он определяет меры процессуального принуждения как «регламентированные уголовно-процессуальным законом правоограничительные средства, используемые для решения специальных задач», прямо указанных в законе для каждого их вида.

Сильная сторона этого подхода – его практическая четкость и соответствие структуре действующего кодекса, что облегчает правоприменение и классификацию.

Третье – это сущностный (правоограничительный) подход. Данный подход делает акцент на основной юридической характеристике принуждения – ограничении прав и свобод личности.

Л.М. Карнеева [18] указывала, что сущность этих мер заключается в «ограничении личной свободы, неприкосновенности и имущественных прав граждан». Этот взгляд фокусируется на глубинной природе принуждения как исключения из общего конституционного статуса личности.

Н.А. Громов и В.В. Кальницкий [11] развивают эту мысль, определяя меры принуждения через их «правоограничительную функцию», направленную на создание условий для выполнения задач уголовного судопроизводства. Они подчеркивают, что именно факт правового ограничения является родовым признаком, объединяющим все меры принуждения, независимо от их места в системе УПК.

Четвертое – это комплексный (интегративный) подход. Современные исследователи все чаще стремятся синтезировать сильные стороны предыдущих подходов, предлагая комплексные определения.

А.В. Ендольцева [13] предлагает понимать под мерами уголовно-процессуального принуждения «предусмотренные УПК РФ и применяемые уполномоченными государственными органами и должностными лицами в строго установленном порядке средства правоограничительного характера, направленные на обеспечение порядка уголовного судопроизводства и надлежащего поведения его участников».

О.И. Цоколова [49] акцентирует внимание на «обеспечительной функции» этих мер, определяя их как инструмент для преодоления противодействия расследованию и обеспечению исполнения приговора.

Таким образом, проведенный анализ доктринальных позиций позволяет сделать следующие заключения.

Эволюция понятия шла от широкой трактовки, основанной на философии принуждения, к более узкой и практико-ориентированной, основанной на системном толковании УПК РФ.

Наиболее теоретически обоснованным и практически значимым представляется узкий (формально-легальный) подход, представленный В.П. Божьевым [4]. Он позволяет четко отграничить меры процессуального принуждения от иных процессуальных действий принудительного характера, что имеет ключевое значение для правоприменительной практики, так как для этих двух групп мер установлен разный режим (разные основания, порядок применения, субъектный состав).

Для целей настоящего исследования под мерами уголовно-процессуального принуждения понимаются регламентированные Разделом IV УПК РФ средства правоограничительного характера (задержание, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения), применяемые к участникам процесса уполномоченными субъектами в целях обеспечения задач уголовного судопроизводства. Данное определение интегрирует в себя формальный критерий (основание на УПК РФ) и сущностную характеристику (правоограничительный характер).

Для глубокого уяснения природы анализируемого института необходимо выделить его сущностные признаки.

Первое – это властно-государственный характер. Меры принуждения применяются исключительно от имени государства строго определенными законом субъектами (орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, суд).

Второе – это процессуальная регламентированность. Их перечень, основания, условия и порядок применения исчерпывающим образом закреплены в нормах УПК РФ. Произвольное применение мер, не предусмотренных законом, недопустимо.

Третье – это ограничительный характер в отношении прав и свобод личности. «Это ключевой признак, раскрывающий сущность принуждения. Данные меры всегда связаны с временным ограничением конституционных прав человека, таких как право на свободу и личную неприкосновенность (заключение под стражу), право на неприкосновенность частной жизни (обыск), право на тайну переписки (наложение ареста на почтово-телеграфные отправления) и другое» [10].

Четвертое – это специальная цель применения. Меры процессуального принуждения не являются наказанием и не носят карательного характера. Их назначение сугубо процессуальное.

Как верно отмечал В.П. Божьев [5], цели их применения можно разделить на:

- обеспечительные: обеспечение надлежащего поведения участников процесса (например, меры пресечения) и их явки по вызовам;
- процессуально-познавательные: обеспечение собирания доказательств (обыск, выемка);
- восстановительные и пресекательные: сохранение имущества для обеспечения гражданского иска или возможной конфискации (наложение ареста на имущество).

Пятое – это временный характер. Ограничения прав действуют не бессрочно, а лишь в течение строго определенного законом срока производства по уголовному делу или действия конкретного процессуального решения.

«Сущность мер уголовно-процессуального принуждения заключается в том, что они представляют собой правовую форму компромисса между двумя конституционными ценностями: с одной стороны, обязанностью государства защищать общество от преступлений, а с другой – его же обязанностью гарантировать каждому человеку неприкосновенность его прав и свобод» [12].

Это не произвольное насилие, а легализованное законом исключение из общего правового статуса личности, вызванное необходимостью решения задач уголовного судопроизводства. Именно поэтому применение принуждения всегда должно быть основано на принципах законности, обоснованности и соразмерности. Как подчеркивал Конституционный Суд РФ [26], ограничения прав должны быть адекватны, пропорциональны и необходимы для достижения законных целей в демократическом обществе.

Таким образом, меры уголовно-процессуального принуждения – это неотъемлемый элемент механизма уголовного процесса, который, с одной стороны, обеспечивает его эффективность и результативность, а с другой – в силу своего ограничительного характера требует повышенных правовых гарантий и судебного контроля для недопущения произвола, и нарушения прав личности.

На основании проведенного исследования понятия, признаков и сущности мер уголовно-процессуального принуждения можно сформулировать следующие выводы.

«Меры уголовно-процессуального принуждения представляют собой регламентированную уголовно-процессуальным законом систему правоограничительных средств, применяемых уполномоченными государственными органами к участникам процесса в целях обеспечения надлежащего порядка производства по уголовному делу, успешного выполнения его задач и преодоления противодействия расследованию и судебному разбирательству. Меры принуждения являются неотъемлемым элементом публично-правового механизма уголовного процесса. Их правовая природа определяется как вытекающая из властных полномочий государства возможность ограничения конституционных прав граждан, но лишь в строго установленных законом целях и пределах» [38].

Сущность данного института раскрывается через его служебную роль – он призван обеспечивать не уклонение лиц от правосудия, сохранность доказательств и исполнение процессуальных решений. Ключевые признаки (принудительность, нормативность, целевая и временная ограниченность) подчеркивают их обеспечительный, а не карательный характер. Следовательно, эффективность и легитимность применения мер принуждения напрямую зависят от соблюдения системы процессуальных гарантий, важнейшими из которых являются судебный контроль, законность и обоснованность.

Итак, сущность данных мер заключается в диалектическом сочетании двух начал: с одной стороны, они являются необходимым инструментом защиты правопорядка, общества и государства от преступных посягательств, а с другой – выступают как ограничение прав и свобод личности, что требует установления строгих правовых гарантий от произвола.

Ключевыми признаками мер уголовно-процессуального принуждения являются: государственно-властный характер; строгая нормативная

регламентация; применение исключительно в рамках уголовного судопроизводства; специфический круг субъектов применения; направленность на достижение целей уголовного процесса; превентивный и обеспечительный характер; временный характер правоограничений.

Таким образом, институт мер уголовно-процессуального принуждения занимает центральное место в механизме уголовно-процессуального регулирования, выступая необходимым условием эффективности всего производства по делу, но одновременно требуя повышенного внимания к соблюдению принципа состязательности и защиты прав личности.

1.2 Становление и развитие мер уголовно-процессуального принуждения

Меры уголовно-процессуального принуждения представляют собой один из фундаментальных институтов уголовного процесса, обеспечивающий его нормальное функционирование и достижение целей правосудия. Их становление и развитие неразрывно связаны с эволюцией самого государства, правопонимания, баланса между карательной мощностью власти и гарантиями прав личности. Исторический анализ данного института позволяет выявить закономерности его трансформации, понять современные проблемы и перспективы его совершенствования.

В своем развитии институт мер процессуального принуждения в России прошел несколько ключевых этапов.

Дореволюционный период (до 1917 года).

Первые упоминания о мерах процессуального принуждения в отечественном праве можно обнаружить еще в древнейших памятниках законодательства. В Русской Правде, первом писаном своде законов Древнерусского государства, хотя и отсутствовала систематизированная регламентация мер принуждения, уже содержались нормы, предусматривающие ответственность за противоправное причинение вреда

личности и имуществу. В данном документе упоминалась такая мера, как «гонение следа» – своеобразная форма розыска лица, совершившего преступление. При этом задержание подозреваемого осуществлялось, как правило, частными лицами, а не представителями власти.

Более детальное развитие институт мер процессуального принуждения получил в период формирования централизованного государства. В Судебниках 1497 и 1550 годов появляются нормы, регламентирующие такие меры принуждения, как «поруки» (прообраз современного поручительства) и «крепкие поруки» (более строгая форма поручительства). Судебник 1550 года также установил, что подозреваемые в «ведомом лихом деле» (тяжком преступлении) могли содержаться в тюрьме до окончания разбирательства. Эти положения можно рассматривать как первые законодательные нормы, регулирующие меры пресечения [48].

Значительное развитие институт мер уголовно-процессуального принуждения получил в Соборном Уложении 1649 года – первом систематизированном своде законов России. В нем более детально регламентировались вопросы заключения под стражу, поручительства, а также вводились имущественные меры обеспечения явки обвиняемого. Важно отметить, что Соборное Уложение устанавливало возможность освобождения, обвиняемого под поручительство «добрых людей», что свидетельствует о дифференцированном подходе к применению мер принуждения уже на этом историческом этапе.

В период правления Петра I ознаменовался принятием ряда нормативных актов, существенно повлиявших на развитие уголовно-процессуального права России. В частности, в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1715 года, являвшемся частью Воинского устава, содержались нормы, регламентирующие основания и порядок заключения под стражу. Согласно данному документу, заключение под стражу могло применяться при наличии серьезных подозрений в совершении лицом преступления, а также в случаях, когда существовала опасность побега

обвиняемого. Важно подчеркнуть, что в петровском законодательстве впервые появилось требование обоснованности применения наиболее строгих мер процессуального принуждения.

Существенный шаг в развитии института мер уголовно-процессуального принуждения был сделан в период правления Екатерины II. «Наказ комиссии о составлении проекта нового Уложения» 1767 года, хотя и не был принят в качестве действующего законодательства, содержал прогрессивные идеи о необходимости соблюдения прав обвиняемого и умеренности при применении мер принуждения. В частности, в «Наказе» указывалось, что «содержание под стражей есть наказание, которое от всех других наказаний тем разнится, что по необходимости предшествует судебному объявлению преступления», и поэтому должно применяться с осторожностью.

Качественно новый этап в развитии института мер уголовно-процессуального принуждения связан с судебной реформой 1864 года.

«Устав уголовного судопроизводства 1864 года существенно модернизировал и систематизировал порядок применения мер процессуального принуждения. В нем были закреплены такие меры пресечения, как отдача под надзор полиции, отобрание вида на жительство или обязательство о явке к следствию и не отлучке с места жительства, отдача на поруки, взятие залога, домашний арест и заключение под стражу. Важно подчеркнуть, что Устав уголовного судопроизводства устанавливал принцип соразмерности при избрании мер пресечения» [44].

Так, согласно статье 421 Устава, судебный следователь при избрании меры пресечения должен был принимать во внимание тяжесть улик, вероятность уклонения обвиняемого от следствия, состояние здоровья обвиняемого, пол, возраст и положение обвиняемого в обществе. Данные положения свидетельствуют о стремлении законодателя обеспечить индивидуализированный подход к применению мер процессуального принуждения.

Итак, зарождение элементов процессуального принуждения на Руси можно отнести к периоду Русской Правды, Судебников и Соборного Уложения 1649 года. Однако в этот период меры принуждения не были систематизированы и четко отделены от наказания. Преобладали меры пресечения, направленные на обеспечение явки обвиняемого в суд, носившие часто частноправовой характер (поручительство, залог). Телесные ограничения (заточение в тюрьму, содержание в оковах) применялись широко и были обусловлены сословным положением лица.

Значительный шаг в развитии института был сделан в ходе судебной реформы 1864 года. Устав уголовного судопроизводства впервые в российской истории закрепил систему мер пресечения, в которую вошли: личное поручительство; отдача под особый надзор полиции; залог; взятие под стражу.

Заключение под стражу регламентировалось как крайняя мера, применение которой должно было быть обосновано. Это свидетельствовало о стремлении законодателя внести в процесс элементы состязательности и гарантировать права обвиняемого, что соответствовало либеральным идеям того времени.

Следующий период относится к советскому периоду (1917-1991 годы).

После Октябрьской революции 1917 года дореволюционное законодательство было упразднено. Формирование нового института мер принуждения происходило в условиях революционной целесообразности и классового подхода. Первые нормативные акты (например, Декрет о суде № 1) закрепляли широкие полномочия за чрезвычайными органами. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 года была предпринята попытка систематизации мер процессуального принуждения. Кодекс предусматривал такие меры пресечения, как подписка о невыезде, поручительство личное и общественных организаций, залог и заключение под стражу. Следует отметить, что УПК РСФСР 1922 года, несмотря на общую идеологическую направленность, в определенной степени воспринял принципы

дореволюционного законодательства в части применения мер процессуального принуждения.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года, заменивший предыдущий, сохранил основные положения, касающиеся мер процессуального принуждения, но уточнил основания и порядок их применения. В частности, была более детально регламентирована процедура избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Согласно статье 158 УПК РСФСР 1923 года, заключение под стражу применялось лишь по делам о преступлениях, за которые могло быть назначено лишение свободы на срок свыше года, а также в случаях, когда подозреваемый не имел постоянного места жительства или скрывал свою личность. Эти положения свидетельствуют о стремлении законодателя того времени установить определенные ограничения на применение наиболее строгой меры пресечения.

Таким образом, с принятием УПК РСФСР 1922 и 1923 годов, а затем УПК РСФСР 1960 года система мер процессуального принуждения была формально кодифицирована. В нее вошли меры пресечения (подписка о невыезде, заключение под стражу, залог и другие) и иные меры процессуального принуждения (привод, обязательство о явке и так далее).

В советский период, особенно в эпоху сталинских репрессий, институт мер принуждения, и в первую очередь заключение под стражу, использовался в карательных целях. Функция пресечения противоправной деятельности подменялась функцией предварительного наказания. Гарантии прав личности были сведены к минимуму, а судебный контроль за применением ареста, введенный в 1958 году, на практике часто носил формальный характер. Приоритет отдавался интересам государства в ущерб правам человека.

Существенные изменения в регламентации мер уголовно-процессуального принуждения произошли с принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года. В данном нормативном акте впервые на общесоюзном уровне был сформулирован

принцип применения меры пресечения в виде заключения под стражу только по судебному решению или с санкции прокурора. Это положение было важным шагом в обеспечении законности при применении наиболее строгой меры пресечения. Основы уголовного судопроизводства 1958 года также закрепили систему мер пресечения, включавшую подписку о невыезде, личное поручительство или поручительство общественных организаций, заключение под стражу и другие меры, предусмотренные законодательством союзных республик.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года, принятый на основе союзного законодательства, содержал более детальную регламентацию мер процессуального принуждения. В нем были закреплены такие меры пресечения, как подписка о невыезде, личное поручительство, поручительство общественной организации, залог, заключение под стражу и передача на попечение несовершеннолетнего. Кодекс также предусматривал применение иных мер процессуального принуждения: обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности. Важно отметить, что УПК РСФСР 1960 года действовал с многочисленными изменениями и дополнениями вплоть до принятия УПК РФ 2001 года, что свидетельствует о его адаптивности к меняющимся социально-политическим условиям.

Современный период (с 1991 года по настоящее время).

Распад СССР и коренное реформирование российской правовой системы привели к принципиальным изменениям в институте мер процессуального принуждения. В 90-е годы XX века, в период становления новой российской государственности, институт мер уголовно-процессуального принуждения претерпел значительные изменения. Это было связано с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года, закрепившей приоритет прав и свобод человека и гражданина, а также с влиянием международных стандартов в области прав человека. Одним из ключевых изменений стало введение в 1992 году судебного контроля за арестом и содержанием под стражей. Федеральным законом от 23 мая 1992

года № 2825-1 в УПК РСФСР 1960 года были внесены изменения, предусматривающие возможность обжалования в суд ареста или продления срока содержания под стражей [24].

Принятие УПК РФ 2001 года стало переломным моментом, отразившим новые, закрепленные в Конституции РФ, принципы: уважения достоинства личности, состязательности, презумпции невиновности.

«УПК РФ значительно расширил перечень мер пресечения, включив в него домашний арест, который ранее был исключен из УПК РСФСР 1960 года. Кроме того, УПК РФ установил исключительную компетенцию суда по избранию таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест, а также по применению ряда иных мер процессуального принуждения» [24]. Эти изменения существенно усилили судебный контроль за применением мер процессуального принуждения и способствовали повышению уровня защиты прав обвиняемых и подозреваемых.

В последующие годы институт мер уголовно-процессуального принуждения продолжал развиваться. Важным этапом стало принятие Федерального закона от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ, которым в УПК РФ была введена новая мера пресечения – запрет определенных действий. Эта мера предусматривает возможность установления судом определенных запретов в отношении подозреваемого или обвиняемого, что создает дополнительные возможности для индивидуализации процессуального принуждения. Кроме того, были внесены изменения, касающиеся порядка применения и условий исполнения мер пресечения в виде залога, домашнего ареста и заключения под стражу, направленные на обеспечение более эффективной реализации данных мер и защиты прав обвиняемых и подозреваемых.

Ключевые нововведения современного этапа включают:

- четкое разграничение мер пресечения и иных мер процессуального принуждения;

- закрепление судебного порядка избрания большинства мер пресечения, в особенности заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ), что является важнейшей гарантией прав личности;
- введение новых, более мягких мер пресечения (например, домашний арест);
- установление конкретных оснований и условий применения каждой меры принуждения, приоритет менее строгих мер;
- расширение возможности обжалования действий и решений должностных лиц, применяющих принуждение.

Несмотря на значительный прогресс, современный этап развития характеризуется и определенными противоречиями. Продолжается поиск баланса между эффективностью борьбы с преступностью и незыблемостью прав человека, что находит отражение в постоянных изменениях уголовно-процессуального законодательства и практике его применения.

Таким образом, становление и развитие института мер уголовно-процессуального принуждения в России носит сложный, противоречивый характер, отражающий общую эволюцию государственно-правового строя. Институт мер уголовно-процессуального принуждения имеет давнюю историю становления в российском праве, отражая эволюцию представлений законодателя о балансе между необходимостью обеспечения эффективного уголовного преследования и защитой прав личности. Изучение исторического аспекта данного института позволяет глубже понять его современную сущность и перспективы развития.

Путь от неограниченной репрессии и произвола до детальной регламентации, основанной на принципах верховенства права и защиты прав человека, является магистральным направлением этого развития. Современная система мер принуждения, с одной стороны, унаследовала некоторые исторически сложившиеся проблемы, а с другой – закрепила международные стандарты в области правосудия, продолжая адаптироваться к новым вызовам времени.

1.3 Цели, задачи и система мер уголовно-процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве

Эффективность применения мер уголовно-процессуального принуждения напрямую зависит от четкого определения их целей и задач, а также от построения внутренне согласованной системы. Эти элементы раскрывают функциональное назначение данного института в механизме уголовного судопроизводства и служат ориентиром для правоприменительной практики.

Цели мер уголовно-процессуального принуждения носят публично-правовой характер и производны от общих целей уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 УПК РФ.

В отечественной науке уголовного процесса не существует единого, унитарного подхода к определению целей мер уголовно-процессуального принуждения. Дискуссия вокруг этого вопроса отражает сложную правовую природу данного института, находящегося на стыке публичных интересов государства и частных интересов личности. Анализ научных позиций позволяет выявить несколько ключевых направлений в трактовке целей.

Перове - это классический (публично-правовой) подход: цель – преодоление противодействия и обеспечение порядка процесса. Эта позиция, уходящая корнями в советскую процессуальную школу, акцентирует роль принуждения как инструмента государства для обеспечения эффективности уголовного преследования.

Являясь прямым следствием государственно-властного характера уголовного процесса, меры принуждения направлены, прежде всего, на обеспечение не уклонения обвиняемого от правосудия, предотвращение воспрепятствования установлению истины и обеспечение исполнения приговора. Этой точки зрения придерживались такие видные процессуалисты, как М.С. Строгович [37] и В.М. Савицкий [35]. Они рассматривали цели

принуждения в узкофункциональном ключе, связывая их с необходимостью нейтрализации противодействия со стороны обвиняемого и иных лиц.

Второй подход – это системно-целевой: иерархия общих и специальных целей. Сторонники этого подхода, получившего широкое распространение в современной доктрине, предлагают более сложную, многоуровневую структуру целей.

Н.А. Громов [11] и В.В. Николюк [24] подчеркивают, что цели мер принуждения производны от общего назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ. В связи с этим они выделяют конечную цель – защиту прав и законных интересов лиц и организаций, и непосредственные цели – обеспечение порядка уголовного судопроизводства и надлежащего поведения участников процесса.

А.П. Рыжаков [27] развивает эту идею, указывая на двуединую направленность целей: с одной стороны, это обеспечение условий для достижения задач уголовного процесса (раскрытие преступления, изобличение виновного), а с другой — защита личности от незаконного ограничения ее прав.

Третий подход ориентированный на защиту прав личности: цель как гарантия от произвола. Этот взгляд, характерный для современных исследований, смещает акцент с чисто обеспечительной функции на гарантирующую.

Ученые, такие как С.А. Шейфер [50] и Г.Н. Ветрова, справедливо указывают, что в правовом государстве любое принуждение должно быть не только эффективным, но и соразмерным, а его целью является не только обеспечение процесса, но и создание правовых гарантий от необоснованного ограничения прав граждан. Таким образом, сама процессуальная форма принуждения, требующая судебного решения и законных оснований, становится целью-гарантией. В данном контексте цель мер принуждения видится в создании баланса между необходимостью применения властных полномочий и недопустимостью их произвольного использования.

Особую полемику вызывает вопрос о том, является ли целью мер принуждения предотвращение возможных нарушений или преодоление уже существующих.

Сторонники превентивной цели (например, О.И. Цоколова [49]) относят ее в первую очередь к мерам пресечения, которые применяются не за совершенные действия, а для предотвращения возможных в будущем (попытки скрыться, повлиять на свидетелей и т.д.).

Их оппоненты, акцентирующие обеспечительную цель, полагают, что даже превенция является формой обеспечения – обеспечения надлежащего поведения в будущем. Они настаивают, что конечной целью всегда является создание условий для нормального хода процесса, а превенция – лишь один из способов ее достижения.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что эволюция научных взглядов на цели мер уголовно-процессуального принуждения демонстрирует переход от узко понимаемой «борьбы с противодействием» к комплексной системе, включающей в себя:

- обеспечительную цель (создание условий для быстрого и полного раскрытия преступления и объективного судебного разбирательства);
- превентивную цель (предупреждение новых правонарушений и неправомерного поведения со стороны участников процесса);
- гарантирующую цель (обеспечение прав личности путем строгой регламентации оснований и порядка применения принуждения).

Таким образом, в современном понимании цели мер уголовно-процессуального принуждения носят системный и двойственный характер, отражая баланс между публичными интересами в эффективном уголовном судопроизводстве и частными интересами в защите от необоснованного государственного вмешательства.

В доктрине уголовного процесса их принято подразделять на непосредственные (ближайшие) и конечные (перспективные).

Непосредственной целью является преодоление противодействия уголовному преследованию со стороны подозреваемого, обвиняемого или иных лиц, а также создание условий для надлежащего исполнения участниками процесса своих обязанностей. Эта цель достигается путем временного ограничения их прав и свобод для обеспечения нормального хода производства по делу.

Конечной целью выступает обеспечение реализации назначения уголовного судопроизводства: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Таким образом, принуждение, будучи ограничением прав в тактическом плане, в стратегическом плане служит их защите.

Для достижения указанных целей институт мер процессуального принуждения решает ряд конкретных задач, которые детализируют его предназначение:

- обеспечение надлежащего поведения участников процесса и предотвращение противодействия. Эта задача реализуется, прежде всего, через меры пресечения, запрет определенных действий и иные меры процессуального принуждения, удерживающие обвиняемого от сокрытия, продолжения преступной деятельности или давления на свидетелей;
- обеспечение исполнения процессуальных обязанностей. Данная задача направлена на обеспечение явки участников процесса по вызову дознавателя, следователя или в суд, а также на получение от них необходимых сведений и доказательств (например, привод);
- создание условий для установления истины по делу. Принудительные меры, такие как обыск, выемка, освидетельствование, позволяют обеспечить сохранность и собирание доказательств, которые иным образом могли бы быть утрачены или сокрыты;

- обеспечение исполнения приговора. Меры пресечения, в особенности заключение под стражу, гарантируют, что лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, не уклонится от отбывания наказания.

Многообразие целей и задач обуславливает сложный, системный характер мер уголовно-процессуального принуждения.

Система мер уголовно-процессуального принуждения – это внутренне организованная, целостная совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных мер, классифицированных по определенным основаниям в зависимости от их процессуальной природы, целей применения и субъектов, к которым они применяются.

В российском уголовном процессе традиционная классификация, основанная на нормах УПК РФ, предусматривает деление всех мер принуждения на три основные группы.

Задержание подозреваемого (гл. 12 УПК РФ). Данная мера занимает обособленное положение, поскольку обладает чертами, сближающими ее как с мерами пресечения (временное лишение свободы), так и с мерами обеспечения процесса доказывания. Она применяется на первоначальном этапе для проверки причастности лица к преступлению.

«Меры пресечения (гл. 13 УПК РФ) – это центральный и наиболее строгий институт в системе процессуального принуждения. К ним относятся, в частности, подписка о невыезде, залог, домашний арест, заключение под стражу. Их отличительной чертой является превентивный характер: они применяются для предотвращения будущих неправомерных действий обвиняемого (подозреваемого)» [43].

Иные меры процессуального принуждения (гл. 14 УПК РФ). Данная группа является наиболее многочисленной и разнородной. К ним законодатель относит:

- обязательство о явке (ст. 112 УПК РФ);
- привод (ст. 113 УПК РФ);

- временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ);
- наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ);
- денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ).

Эти меры направлены на решение вспомогательных задач: обеспечение явки, сохранность имущества для возможной конфискации или гражданского иска, обеспечение дисциплины в процессе.

Таким образом, «цели, задачи и система мер уголовно-процессуального принуждения находятся в неразрывном единстве. Четко выстроенная система мер позволяет дифференцированно и соразмерно подходить к их применению для достижения конкретных процессуальных целей, что, в конечном счете, способствует реализации назначения уголовного судопроизводства, обеспечивая, с одной стороны, неотвратимость ответственности, а с другой – гарантии прав личности от чрезмерного государственного вмешательства» [30].

На основании проведенного исследования целей, задач и системы мер уголовно-процессуального принуждения можно сформулировать следующие выводы.

Цели мер уголовно-процессуального принуждения носят комплексный и производный от назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) характер. Они образуют двухуровневую структуру: непосредственная цель заключается в преодолении реального или потенциального противодействия производству по уголовному делу, а конечная (стратегическая) цель – в обеспечении защиты прав и законных интересов как лиц, потерпевших от преступления, так и личности от незаконного и необоснованного обвинения и ограничения ее прав.

Задачи рассматриваемых мер являются конкретизацией их целей и направлены на:

- «обеспечение надлежащего поведения участников процесса;
- предотвращение попыток скрыться от органов предварительного расследования и суда;

- пресечение продолжения преступной деятельности;
- создание условий для установления объективной истины по делу;
- гарантирование исполнения будущего судебного решения, в первую очередь – приговора» [29].

Система мер уголовно-процессуального принуждения, закреплённая в УПК РФ, представляет собой внутренне упорядоченную совокупность взаимосвязанных мер, классифицированных по их юридической природе и функциональному назначению.

Критерием систематизации выступает степень правоограничения и специфика процессуальной цели. В соответствии с этим система включает три основные группы:

- задержание подозреваемого – особая мера, носящая неотложный и кратковременный характер;
- меры пресечения – центральное звено системы, обладающее ярко выраженным превентивным началом;
- иные меры процессуального принуждения – вспомогательная и многообразная группа мер, обеспечивающая решение частных задач уголовного процесса.

Проведенный анализ подтверждает, что цели, задачи и система мер уголовно-процессуального принуждения находятся в неразрывном единстве и диалектической взаимосвязи. Четкое определение целей позволяет выстроить эффективную систему, а дифференцированная система, в свою очередь, обеспечивает соразмерное и обоснованное применение конкретных мер для решения стоящих перед ними задач.

Итак, «данный институт служит ключевым инструментом достижения баланса между публичными интересами государства в эффективном уголовном преследовании и частными интересами личности в защите от необоснованного ограничения прав и свобод» [29].

Система мер уголовно-процессуального принуждения является одним из важнейших компонентов уголовно-процессуального законодательства

Российской Федерации, обеспечивающим надлежащий ход уголовного судопроизводства, выполнение задач расследования и рассмотрения уголовных дел, а также охрану прав и законных интересов участников процесса.

Следует отметить, что «система мер уголовно-процессуального принуждения не является статичной. Она развивается под влиянием изменений в уголовной и уголовно-процессуальной политике государства, правовых позиций Конституционного Суда РФ, международных стандартов в области защиты прав человека» [29].

Так, введение в 2018 году новой меры пресечения – запрета определенных действий – стало результатом стремления законодателя к обеспечению большей дифференциации и индивидуализации мер процессуального принуждения. Эта мера позволяет учитывать специфику конкретного уголовного дела и особенности личности обвиняемого, обеспечивая при этом надлежащее исполнение им процессуальных обязанностей и минимизируя негативные последствия применения более строгих мер пресечения.

Таким образом, система мер уголовно-процессуального принуждения в российском законодательстве представляет собой сложный, многоуровневый комплекс правовых средств, направленных на обеспечение надлежащего хода уголовного судопроизводства. Ее структура и содержание определяются необходимостью обеспечения баланса между публичными интересами борьбы с преступностью и защиты частных интересов личности.

1.4 Классификация мер уголовно-процессуального принуждения

Многообразие мер уголовно-процессуального принуждения, различия в их правовой природе, основаниях и целях применения обуславливают необходимость их научной классификации. Систематизация данного института имеет не только теоретическое значение, способствуя его более

глубокому пониманию, но и важное практическое применение, поскольку позволяет правоприменителю точно выбирать вид меры, адекватный сложившейся процессуальной ситуации.

Проведем анализ научных позиций по вопросу классификации мер уголовно-процессуального принуждения. Так, вопрос классификации мер уголовно-процессуального принуждения является одним из наиболее дискуссионных в науке уголовного процесса. Отсутствие единого подхода объясняется сложностью и многогранностью самого института, что позволяет ученым предлагать различные, подчас конкурирующие, критерии для его систематизации. Легальная классификация, закрепленная в УПК РФ, выступает отправной точкой для дискуссии, но не исчерпывает всего многообразия научных взглядов.

Большинство ученых, таких как А.П. Рыжаков, Н.А. Громов, «признают систематизацию, прямо закрепленную в законе (задержание, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения), в качестве основной и наиболее практико-ориентированной. Они отмечают, что данная структура отражает фундаментальные различия в целевом назначении каждой группы мер: задержание служит для проверки причастности, меры пресечения – для превенции, а иные меры – для решения текущих обеспечительных задач» [34].

Однако многие исследователи указывают на недостаточную логическую строгость этой системы. Так, С.А. Шейфер [50] и О.И. Цоколова [48] обращают внимание на смешение различных оснований деления внутри группы «иных мер процессуального принуждения». В одну категорию попадают меры, разные по своей природе:

- меры процессуальной ответственности (денежное взыскание);
- собственно, обеспечительные меры (привод, обязательство о явке);
- меры, имеющие ярко выраженный следственный характер (наложение ареста на имущество, которое по сути является следственным действием).

Это, по их мнению, создает внутреннюю несогласованность системы.

Особую полемику вызывает место задержания подозреваемого в общей системе. Ряд авторов (например, В.В. Николюк [24]) обоснованно считают его основой для возможного применения мер пресечения, выделяя в самостоятельный вид в силу особой процедуры и кратковременности.

Другие ученые, в частности Б.Я. Гаврилов, предлагают рассматривать «задержание как разновидность меры пресечения, применяемую на самом начальном этапе к лицу, в отношении которого еще не выдвинуто официальное обвинение, но которое застигнуто на месте преступления или имеются иные основания, указанные в ст. 91 УПК РФ. Эта позиция аргументируется тем, что задержание, как и заключение под стражу, связано с лишением свободы – самым строгим правоограничением» [9].

Классификация по характеру правоограничений и их тяжести. Данный критерий, разрабатываемый в трудах Г.Н. Ветровой и А.С. Александрова [1], является одним из наиболее значимых с точки зрения обеспечения прав человека. Ученые предлагают делить все меры принуждения на группы в зависимости от того, какое конституционное право ограничивается:

- «меры, связанные с ограничением личной свободы (задержание, заключение под стражу, домашний арест, привод);
- меры, связанные с ограничением имущественных прав (залог, наложение ареста на имущество);
- меры, связанные с ограничением иных прав (права на неприкосновенность частной жизни – при обыске; права на занятие определенной деятельностью – при временном отстранении от должности)» [46].

Такая классификация имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, так как позволяет выстроить шкалу соразмерности и обоснованности применяемого принуждения.

Классификация по функциональному назначению (цели применения). Этот подход, развиваемый П.А. Lupинской [45] и ее последователями, углубляет легальную систематизацию. В его рамках выделяются:

- меры превенции (меры пресечения), направленные на предупреждение будущих нарушений;
- меры обеспечения (обязательство о явке, привод), направленные на обеспечение текущего хода процесса;
- меры обеспечения доказательств (наложение ареста на имущество, отстранение от должности, которое может предотвратить уничтожение доказательств);
- меры восстановления и меры ответственности (денежное взыскание).

Данная классификация позволяет более точно определить место каждой меры в механизме уголовно-процессуального регулирования.

Ученые Д.А. Петров [29] и А.В. Федоров [47] в своих диссертационных исследованиях подчеркивают важность классификации по субъектному составу. Они выделяют:

- меры, применяемые исключительно к обвиняемому (подозреваемому);
- меры, применяемые к иным участникам процесса (свидетелю, потерпевшему, специалисту и т.д.).

Это разграничение акцентирует внимание на том, что бремя процессуального принуждения ложится не только на сторону защиты, но и на других участников, что отражает публичный характер уголовного процесса.

Таким образом, проведенный анализ доктринальных подходов позволяет заключить, что в науке уголовного процесса не существует универсальной и бесспорной классификации мер уголовно-процессуального принуждения. Легальная (формальная) классификация, закрепленная в УПК РФ, служит основным каркасом для правоприменительной практики, но ее внутренняя логика подвергается обоснованной критике за смешение различных оснований. Научные классификации, базирующиеся на таких критериях, как характер правоограничений, функциональное назначение и субъектный состав, носят дополняющий характер. Они углубляют понимание

сущности каждой меры, способствуют выработке принципов их соразмерного и дифференцированного применения и указывают направления для дальнейшего совершенствования законодательства, в частности, на необходимость более четкого структурирования группы «иных мер процессуального принуждения» [47].

Итак, в науке уголовного процесса выработано несколько критериев для классификации, которые дополняют друг друга и раскрывают многогранность этого правового явления.

Первое – это классификация по целям применения и правовым последствиям (легальная классификация, закреплённая в структуре УПК РФ). Это основной и наиболее значимый критерий, положенный в основу законодательного построения института. Согласно ему, все меры процессуального принуждения подразделяются на три крупные группы:

- задержание подозреваемого (глава 12 УПК РФ). Данная мера занимает обособленное положение. Ее специфика «заключается в том, что она, с одной стороны, служит целям проверки причастности лица к совершению преступления и решения вопроса о применении меры пресечения, а с другой – представляет собой кратковременное лишение свободы, что сближает ее по степени правоограничений с самой строгой мерой пресечения»;
- меры пресечения (глава 13 УПК РФ). Это центральный и наиболее строгий институт в системе процессуального принуждения. Их отличительной чертой является превентивный (предупредительный) характер. Они «применяются для предотвращения возможных неправомерных действий со стороны обвиняемого (подозреваемого) в будущем: уклонения от органов следствия и суда, продолжения преступной деятельности, воспрепятствования производству по уголовному делу. К ним относятся, в частности, подписка о невыезде, личное поручительство, залог, домашний арест, заключение под стражу» [42].

- иные меры процессуального принуждения (глава 14 УПК РФ). Данная группа является наиболее многочисленной и неоднородной. В отличие от мер пресечения, они носят обеспечительный, а не превентивный характер и направлены на решение частных, конкретных задач в ходе производства по делу.

Законодатель включает в эту группу: «меры, обеспечивающие явку участников процесса (обязательство о явке, привод); меры, обеспечивающие получение доказательств (наложение ареста на имущество для обеспечения гражданского иска или возможной конфискации); меры, обеспечивающие порядок в уголовном судопроизводстве (временное отстранение от должности); меры процессуальной ответственности (денежное взыскание)» [47].

«Вторая классификация – это по субъекту применения. Так, в зависимости от того, в чьем производстве находится уголовное дело, меры принуждения могут применяться: органом дознания, дознавателем; следователем; прокурором; судом» [47].

При этом ключевое значение имеет разграничение полномочий между следственными органами и судом.

«Ряд наиболее строгих мер, существенно ограничивающих конституционные права граждан (заключение под стражу, домашний арест, наложение ареста на имущество, залог в определенных случаях, временное отстранение от должности), применяются только по судебному решению, что служит важной гарантией прав личности» [39].

«Третья классификация - это по субъекту, к которому применяются меры принуждения. Так, меры принуждения могут быть применены к различным участникам процесса:

- к подозреваемому и обвиняемому (например, все меры пресечения, привод);
- к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику, понятому

(например, привод, денежное взыскание). Данное разграничение подчеркивает, что обязанность не препятствовать ходу расследования лежит не только на стороне защиты, но и на иных участниках процесса» [36].

Четвертая классификация – это по характеру и степени правоограничений. Данный критерий позволяет оценить тяжесть вмешательства государства в правовой статус личности. По этому основанию выделяют меры:

- связанные с лишением свободы (заключение под стражу, задержание, домашний арест);
- ограничивающие право на неприкосновенность частной жизни, жилища, имущественных прав (обыск, выемка, наложение ареста на имущество, освидетельствование);
- ограничивающие иные права и свободы (отстранение от должности, запрет определенных действий).

Классификация по сроку применения. По данному основанию меры можно подразделить на:

- применяемые на строго определенный срок (задержание – до 48 часов; заключение под стражу – на срок до 2 месяцев с возможностью последующего продления);
- применяемые на неопределенный срок, вплоть до окончания производства по делу (подписка о невыезде, временное отстранение от должности).

Таким образом, классификация мер уголовно-процессуального принуждения является многомерной. Легальная систематизация, закрепленная в УПК РФ, служит основным ориентиром для правоприменителя. Однако научные классификации по иным критериям (субъектному составу, характеру правоограничений) имеют важное теоретическое и практическое значение.

Глава 2 Основания, условия и порядок применения мер уголовно-процессуального принуждения

2.1 Общие основания и условия применения мер процессуального принуждения

Эффективное осуществление уголовного судопроизводства невозможно без использования государственного принуждения, которое, однако, в правовом государстве не может быть произвольным. Жесткая регламентация применения властных полномочий в отношении личности составляет сущность института мер уголовно-процессуального принуждения. Ключевую роль в обеспечении его законности и обоснованности играют общие основания и условия применения этих мер, которые выступают системообразующими критериями, ограничивающими усмотрение правоприменителя и гарантирующими защиту прав и свобод человека и гражданина.

В отечественной науке уголовного процесса не сложилось единого понимания категорий «основания» и «условия» применения мер процессуального принуждения, а также их соотношения. Анализ научной литературы позволяет выявить несколько основных направлений научной мысли.

Наиболее распространенная позиция, разделяемая большинством ученых, заключается в принципиальном разграничении этих понятий.

В.А. Михайлов определял основания как совокупность фактов и обстоятельств, свидетельствующих о необходимости применения меры принуждения для достижения целей процесса. В свою очередь, условия – это требования, соблюдение которых делает такое применение возможным и законным. Таким образом, основание отвечает на вопрос «почему?», а условие – «при каких обстоятельствах?».

Н.А. Громов [11] и В.В. Кальницкий развивают эту мысль, указывая, что основание – это повод к применению меры принуждения (например,

конкретные данные о намерениях обвиняемого скрыться), в то время как условия – это юридические предпосылки, такие как наличие возбужденного уголовного дела, надлежащий субъект применения и соблюдение процессуальной формы.

Ряд исследователей предлагают более широкое толкование.

П.А. Lupинская [22] рассматривала основания как сложную, комплексную категорию, включающую в себя не только фактические данные о поведении обвиняемого, но и процессуальные условия, такие как вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В ее интерпретации, основание поглощает собой основные условия.

А.П. Рыжаков [33] также склоняется к широкому пониманию, утверждая, что основание – это система взаимосвязанных элементов, куда входят как фактические обстоятельства, так и процессуальные предписания, регламентирующие порядок принятия решения.

Ученые также спорят о том, что составляет ядро оснований для применения мер пресечения.

С.А. Шейфер [50] и Ю.К. Якимович [52] делают акцент на достаточности доказательств, указывающих на конкретные противоправные намерения обвиняемого (скрыться, воспрепятствовать производству по делу и т.д.). Они подчеркивают, что одних лишь предположений следователя недостаточно; необходимы фактические данные, подтвержденные доказательствами.

З.Д. Еникеев вводит в научный оборот понятие «достаточные основания полагать» [14], которое, по его мнению, занимает промежуточное положение между знанием и предположением. Это оценочная категория, которая должна быть основана на всей совокупности собранных по делу доказательств.

Современные исследователи, опираясь на конституционные принципы и практику Европейского Суда по правам человека, развивают учение об условиях применения принуждения.

Т.Г. Морщакова [23] и В.М. Лебедев [46] акцентируют внимание на принципе соразмерности (пропорциональности) как важнейшем условии. Они утверждают, что любая мера принуждения должна быть строго пропорциональна тяжести инкриминируемого деяния, степени его общественной опасности и личности подозреваемого. Нарушение этого принципа делает применение меры незаконным, даже если формальные основания присутствуют.

Э.Ф. Побегайло [31] и А.В. Смирнов [36] обосновывают презумпцию неприменения мер пресечения. Они указывают, что в правовом государстве избрание меры пресечения, особенно заключения под стражу, должно быть не правилом, а исключением, когда иные, более мягкие способы обеспечения производства по делу исчерпаны или заведомо неэффективны. Это условие является производным из презумпции невиновности.

Многие ученые, включая О.В. Химичеву и Г.П. Химичеву, критикуют сложившуюся практику, указывая на ее обвинительный уклон. Они отмечают, что на деле условие о «невозможности применения иной, более мягкой меры» (ч. 1 ст. 108 УПК РФ) часто толкуется расширительно и формально, в то время как бремя доказывания этой невозможности должно лежать на стороне обвинения и быть предметом тщательной судебной проверки.

Таким образом, в научном сообществе преобладает взгляд на основания и условия как на взаимосвязанные, но различные правовые категории. Основания – это фактические данные, вызывающие необходимость принуждения, а условия – правовые рамки, обеспечивающие его законность. Современная доктрина эволюционирует в сторону усиления гарантий прав личности через призму принципов соразмерности, презумпции свободы и строгой судебной проверки обоснованности любого ограничительного действия государства. Несмотря на различия в подходах, все ученые сходятся в том, что четкое законодательное закрепление и единообразное понимание оснований и условий являются краеугольным камнем законности в досудебном производстве.

Итак, под общими основаниями понимается совокупность установленных уголовно-процессуальным законом фактов и обстоятельств, наличие которых в целом делает допустимым и необходимым применение мер государственного принуждения к участникам процесса.

Система общих оснований включает в себя:

Первое – это наличие возбужденного уголовного дела. Меры процессуального принуждения могут применяться только в рамках осуществления уголовного преследования и производства по уголовному делу. Это фундаментальное условие, разграничивающее административное и уголовно-процессуальное принуждение.

Возбуждение уголовного дела является отправной, первоначальной стадией уголовного процесса, имеющей принципиальное значение для всего последующего производства. В контексте предварительного расследования данная стадия приобретает особую значимость, поскольку именно на этом этапе формируется основание для начала расследования. Законность и обоснованность принятия решения о возбуждении уголовного дела определяют не только правомерность самого производства расследования, но и эффективность достижения целей уголовного судопроизводства в данной форме.

«Возбуждение уголовного дела – это самостоятельная, первоначальная стадия уголовного процесса, заключающаяся в деятельности уполномоченных органов и должностных лиц по проверке поступившего сообщения о преступлении, принятии в установленный законом срок решения о наличии или отсутствии основания для начала предварительного расследования» [21].

Второе – это отнесение лица к конкретной процессуальной категории. «Меры принуждения применяются не к любым лицам, а только к строго определенным участникам процесса: обвиняемому (подозреваемому), потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и иным лицам (например, хранителю вещественных доказательств)» [21].

Основанием является их процессуальный статус и вытекающие из него обязанности.

Третье – это достижение процессуальной целью. Законодатель в ч. 1 ст. 111 УПК РФ исчерпывающе определяет цели применения мер процессуального принуждения:

- предотвращение уклонения лица от явки к дознавателю, следователю или в суд;
- предотвращение продолжения лицом преступной деятельности;
- предотвращение воспрепятствования лицу производству по уголовному делу (воздействие на других участников процесса, уничтожение доказательств и так далее);
- обеспечение исполнения приговора.

Таким образом, общее основание – это наличие возбужденного уголовного дела в отношении конкретного лица, обладающего процессуальным статусом, и необходимость достижения одной из указанных в законе целей.

Условия применения мер процессуального принуждения. Если основания отвечают на вопрос «почему можно применить принуждение?», то условия дают ответ на вопрос «при соблюдении каких требований его можно применить?». Условия – это правовые предписания, обеспечивающие законность и обоснованность применения конкретной меры.

Так, к числу общих условий относятся процессуальная форма, принцип соразмерности (пропорциональности), судебное санкционирование, недопустимость применения в целях унижения человеческого достоинства или причинения вреда здоровью.

Отметим, что любая мера принуждения должна быть применена в строгом соответствии с процедурой, установленной УПК РФ. Это включает в себя:

- вынесение мотивированного постановления (определения) уполномоченным должностным лицом;

- соблюдение установленных сроков применения меры (например, сроки содержания под стражей);
- оформление протоколов о применении меры (например, протокол о приводе).

Принцип соразмерности (пропорциональности) – это центральное условие, вытекающее из конституционных принципов справедливости и уважения достоинства личности. Мера принуждения должна быть соразмерна целям ее применения, тяжести инкриминируемого преступления и личности подозреваемого или обвиняемого. В соответствии с ч. 1 ст. 110 УПК РФ, при избрании меры пресечения следует учитывать тяжесть преступления, сведения о личности, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

Судебное санкционирование. В соответствии со ст. 10, 12, 13 УПК РФ и решениями Конституционного Суда РФ [27], применение наиболее строгих мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, существенно ограничивающих конституционные права граждан (заключение под стражу, домашний арест, залог, помещение в медицинскую организацию для производства судебной экспертизы, наложение ареста на имущество и др.), допускается только на основании судебного решения. Это важнейшая гарантия против произвола.

Недопустимость применения в целях унижения человеческого достоинства или причинения вреда здоровью - данное условие прямо закреплено в ч. 2 ст. 111 УПК РФ и корреспондирует с положениями ст. 21 Конституции РФ.

Помимо общих, существуют специальные основания и условия, которые регламентируют применение каждой конкретной меры принуждения. Например, «для избрания заключения под стражей в качестве меры пресечения (ст. 108 УПК РФ) необходимо, кроме общих оснований, наличие специальных: обвинение или подозрение в совершении преступления, за

которое предусмотрено наказание свыше 3 лет лишения свободы, и невозможность применения иной, более мягкой меры» [17].

Таким образом, общие основания и условия создают единое правовое поле для всего института, в то время как специальные – конкретизируют его применительно к отдельным мерам.

Подводя итог, можно заключить, что общие основания и условия применения мер процессуального принуждения образуют целостный юридический механизм, призванный обеспечить баланс между публичными интересами эффективного расследования преступлений и частными интересами личности, ее прав и свобод. Их системное толкование и неукоснительное соблюдение на практике являются индикатором уровня развития уголовно-процессуального права и гарантией от превращения процессуального принуждения в инструмент неограниченного государственного произвола.

2.2 Задержание подозреваемого как мера процессуального принуждения

«Задержание подозреваемого является одной из наиболее острых и социально значимых мер уголовно-процессуального принуждения. Оно представляет собой кратковременное лишение свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, в целях выяснения его причастности и решения вопроса о применении к нему меры пресечения» [20].

Будучи действенным инструментом раскрытия преступлений, задержание сопряжено с существенным ограничением конституционных прав человека, что обуславливает необходимость его строгой регламентации в законе. В системе мер принуждения задержание занимает особое место, выступая, с одной стороны, следственным действием, а с другой – мерой процессуального принуждения.

В науке уголовного процесса задержание понимается в двух основных аспектах: как фактическое действие по захвату лица и как процессуальный институт, урегулированный нормами права. Процессуальное задержание – это регулируемая уголовно-процессуальным законом деятельность уполномоченных органов по принудительной доставке лица в органы предварительного расследования и кратковременному содержанию его под стражей при наличии оснований, предусмотренных ст. 91 УПК РФ.

Как справедливо отмечает З.Д. Еникеев, сущность задержания заключается в его процессуально-обеспечительной функции. Оно не является самоцелью и служит решению конкретных задач, перечисленных в ч. 1 ст. 91 УПК РФ:

- «проверка причастности задержанного к совершению преступления;
- пресечение возможности скрыться от органов предварительного расследования или суда;
- предотвращение продолжения преступной деятельности;
- обеспечение будущего исполнения приговора» [14].

От иных мер процессуального принуждения задержание отличается кратковременностью (сроки строго регламентированы ст. 94 УПК РФ) и особым субъектом применения – подозреваемым, то есть лицом, в отношении которого еще не вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Характеризуя сущность задержания с точки зрения теории уголовного процесса, необходимо отметить, что в юридической доктрине существуют различные подходы к его определению. Согласно позиции, сформулированной некоторыми авторами, задержание следует рассматривать как совокупность процессуальных действий, осуществляемых компетентными органами и должностными лицами, которые направлены на кратковременное ограничение свободы подозреваемого с целью выяснения его причастности к совершению преступления. Данный подход представляется наиболее полно отражающим сущность рассматриваемого института.

Нормативной основой института задержания выступают положения главы 12 УПК РФ, которая полностью посвящена регламентации процессуальных аспектов применения данной меры принуждения. Законодатель определяет задержание подозреваемого как «меру процессуального принуждения, применяемую органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления» (п. 11 ст. 5 УПК РФ) [40].

Примечательна правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, высказанная в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П, согласно которой задержание является не просто процессуальным действием, а специфической формой ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, применяемой при наличии обоснованного подозрения в совершении преступления.

Так, «законодатель устанавливает исчерпывающий перечень оснований для задержания, что служит важной гарантией от произвола. Согласно ст. 91 УПК РФ, лицо может быть задержано в следующих случаях, когда:

- лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;
- на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления» [16].

Если эти основания отсутствуют, задержание возможно только при наличии иных данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления, но лишь при условии, что оно пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо в суд направлено ходатайство об избрании в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу.

Как подчеркивает С.А. Шейфер, наличие «иных данных» требует их тщательной проверки и оценки, они должны быть основаны на конкретных, проверяемых доказательствах, а не на интуиции следователя.

Статья 91 УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень оснований для задержания, которые можно классифицировать по степени очевидности причастности лица к совершению преступления. Наиболее бесспорным основанием выступает непосредственное обнаружение лица в момент совершения преступного деяния или сразу после его окончания. Данное основание практически исключает ошибку в определении причастности задержанного к преступлению, поскольку временной разрыв между деянием и задержанием минимален или отсутствует вовсе.

Законодатель предусмотрел возможность задержания и при отсутствии очевидных оснований, но при наличии совокупности обстоятельств, свидетельствующих о высокой вероятности уклонения лица от следствия и суда. Попытка скрыться представляет собой активные действия, направленные на избежание контакта с правоохранительными органами, что может выражаться в резкой смене места пребывания, попытке выезда за пределы региона или страны, уничтожении документов. Отсутствие постоянного места жительства создает объективные трудности для обеспечения явки лица к следователю или в суд. Невозможность установления личности порождает риски подмены лица или использования поддельных документов. Особый случай представляет задержание в связи с направлением в суд ходатайства об аресте - здесь законодатель стремится предотвратить возможность скрыться в период между подачей ходатайства и его рассмотрением судом. Важно отметить, что применение задержания по данным основаниям требует наличия не только формальных признаков (отсутствие регистрации, документов), но и совокупности данных, указывающих на причастность к преступлению.

Как справедливо отмечают ученые, что отсутствие четкого законодательного разграничения фактического и юридического задержания

создает определенные проблемы на практике, особенно в контексте реализации задержанным права на защиту. Указанная проблема приобретает особую актуальность в свете правовой позиции Европейского Суда по правам человека, выраженной в решении по делу «Лебедев против Российской Федерации», где Суд указал, что момент задержания должен определяться не формальными процедурами национального законодательства, а реальным ограничением свободы лица.

Так, условиями правомерного задержания являются:

- соблюдение процессуальной формы – составление протокола задержания с указанием оснований, мотивов, времени и других обстоятельств (ст. 92 УПК РФ);
- своевременное уведомление – в срок не позднее 3 часов с момента доставления лица быть уведомлены его близкие родственники или предоставлена возможность сделать это самому задержанному (ст. 96 УПК РФ).
- обеспечение прав подозреваемого – это незамедлительное разъяснение прав, в том числе права на защитника, которое должно быть предоставлено с момента фактического задержания (ч. 2 ст. 46 УПК РФ).

Процессуальный порядок задержания детально регламентирован главой 12 УПК РФ. Он включает в себя следующие этапы:

- «фактическое задержание (доставление);
- составление протокола задержания в срок не более 3 часов с момента доставления лица в орган дознания или к следователю;
- допрос подозреваемого;
- принятие процессуального решения в срок не более 48 часов с момента задержания;
- освобождение задержанного;
- применение к нему меры пресечения;

- продление срока задержания по судебному решению (на срок до 72 часов) для представления дополнительных доказательств;
- избрание меры пресечения в виде заключения под стражу» [25].

Соблюдение 48-часового срока, как указывает В.М. Лебедев, является одной из ключевых конституционных гарантий личности, а его нарушение влечет немедленное освобождение задержанного.

Процессуальное оформление задержания выполняет двойную функцию: фиксирует обстоятельства применения меры принуждения и служит гарантией соблюдения прав задержанного. Трехчасовой срок для составления протокола, установленный статьей 92 УПК РФ, направлен на оперативную документальную фиксацию всех значимых обстоятельств. Протокол задержания представляет собой комплексный процессуальный документ, требующий скрупулезного отражения не только формальных реквизитов (время, место), но и фактических обстоятельств, послуживших основанием для применения данной меры.

Особое значение имеет указание на конкретные основания и мотивы задержания - общие формулировки типа «в связи с совершением преступления» недопустимы. Результаты личного обыска, проводимого при задержании, должны быть детализированы с указанием всех обнаруженных предметов. Анализ кассационной практики свидетельствует о том, что нарушения при составлении протокола задержания (отсутствие подписи задержанного, не указание точного времени фактического задержания, неполное описание оснований) часто влекут отмену судебных решений и признание полученных доказательств недопустимыми.

Поскольку задержание связано с серьезным ограничением свободы и личной неприкосновенности, закон устанавливает систему гарантий прав задержанного. К ним относятся:

- право на защитника включает в себя свидание с защитником наедине и конфиденциально до первого допроса (ч. 3 ст. 46 УПК РФ);

- судебный контроль дает возможность обжалования в суд действий и решений должностных лиц, осуществляющих задержание (ст. 125 УПК РФ);
- право не свидетельствовать против себя самого (ст. 51 Конституции РФ);
- обязательность составления протокола, который является основным документом, фиксирующим законность всего процедуры.

Как отмечает Т.Г. Морщакова [23], эффективность этих гарантий напрямую зависит от неукоснительного соблюдения процедуры задержания и наличия действенного механизма судебной проверки его законности.

Практика показывает, что присутствие защитника при составлении протокола существенно дисциплинирует должностных лиц и способствует более полному и объективному отражению обстоятельств задержания. Вместе с тем остается нерешенной проблема обеспечения участия защитника в ночное время или в удаленных районах, где отсутствуют дежурные адвокаты. Представляется целесообразным создание единой федеральной системы обеспечения круглосуточной юридической помощи задержанным, что позволит реализовать данную норму не формально, а по существу [25].

Разъяснение прав задержанному является не формальной процедурой, а фундаментальной гарантией защиты его интересов. Статья 46 УПК РФ содержит обширный перечень прав подозреваемого, однако на практике их разъяснение часто носит поверхностный характер - задержанному просто дают расписаться под стандартным перечнем без реального объяснения содержания и значения каждого права.

Право на защиту включает не только возможность пригласить конкретного адвоката, но и право на предоставление защитника государством, право на конфиденциальное свидание с защитником до первого допроса. Право хранить молчание означает, что отказ от дачи показаний не может рассматриваться как доказательство вины. Особую социальную значимость имеет право на уведомление близких – для многих задержанных именно

невозможность сообщить родным о своем местонахождении становится серьезным психологическим испытанием. Двенадцатичасовой срок для уведомления, установленный статьей 96 УПК РФ, на практике часто нарушается под различными предлогами. Анализ жалоб в ЕСПЧ показывает, что несвоевременное уведомление родственников является одним из распространенных нарушений при задержании. Необходимо установить административную ответственность должностных лиц за неисполнение обязанности по уведомлению близких задержанного в установленный срок.

Статья 94 УПК РФ регламентирует основания освобождения подозреваемого. Так, подозреваемый подлежит освобождению по постановлению дознавателя или следователя, если:

- не подтвердилось подозрение в совершении преступления;
- отсутствуют основания применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу;
- задержание было произведено с нарушением требований статьи 91 УПК РФ.

«Если в отношении подозреваемого не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания в порядке, установленном пунктом 3 части седьмой статьи 108 УПК РФ, подозреваемый подлежит освобождению по истечении 48 часов с момента задержания, а в условиях военного положения подозреваемый в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления подлежит освобождению по истечении 30 суток с момента задержания» [40].

«Если постановление судьи о применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу либо продлении срока задержания не поступит в течение 48 часов с момента задержания, а в условиях военного положения, если такое постановление не поступит в течение 30 суток в отношении подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, то подозреваемый немедленно освобождается, о чем начальник места содержания подозреваемого уведомляет орган дознания или

следователя, в производстве которого находится уголовное дело, и прокурора. Если имеется определение или постановление суда об отказе в удовлетворении ходатайства дознавателя, следователя об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу, то копия этого определения или постановления выдается подозреваемому при его освобождении» [40].

При освобождении подозреваемого из-под стражи ему выдается справка, в которой указываются, кем он был задержан, дата, время, место и основания задержания, дата, время и основания освобождения.

Так, проблемой остается отсутствие в законе четкого механизма компенсации за незаконное задержание - лицо вынуждено обращаться в суд в порядке гражданского судопроизводства, что существенно затягивает восстановление нарушенных прав. Целесообразно предусмотреть упрощенную процедуру компенсации морального вреда за каждые сутки незаконного задержания по аналогии с компенсацией за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Анализ статистических данных показывает, что примерно в 30% случаев задержанные освобождаются без избрания меры пресечения, что подтверждает правильность законодательного подхода к задержанию как к экстраординарной кратковременной мере.

Недопустимой является практика «перезадержания», когда после истечения 48 часов лицо освобождается и тут же задерживается по другому эпизоду того же уголовного дела. Верховный Суд РФ неоднократно указывал на незаконность подобных манипуляций, рассматривая их как обход конституционных гарантий неприкосновенности личности. Совершенствование института задержания должно идти по пути усиления контроля за обоснованностью его применения и создания эффективных механизмов защиты от злоупотреблений [28].

Таким образом, задержание подозреваемого представляет собой сложный, комплексный институт, сочетающий в себе властное принуждение

и систему процессуальных гарантий. Его применение требует от правоприменителя не только неукоснительного соблюдения формальных оснований и условий, закрепленных в ст. 91-96 УПК РФ, но и высокого уровня правосознания, понимания принципа соразмерности и уважения достоинства личности. Правильное и законное применение задержания является важным условием как для эффективной борьбы с преступностью, так и для укрепления законности в уголовном судопроизводстве в целом.

2.3 Основания и процессуальный порядок избрания мер пресечения

Избрание меры пресечения представляет собой ключевой, многоэтапный институт в системе уголовно-процессуального принуждения, обеспечивающий надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого) в ходе производства по уголовному делу. Его правовая регламентация находится на стыке интересов государства в эффективном уголовном преследовании и конституционных прав личности на свободу и неприкосновенность. В связи с этим, четкое установление в законе оснований и неукоснительное соблюдение процессуального порядка их избрания выступают важнейшими гарантиями против произвола и нарушений прав граждан.

В соответствии со ст. 98 УПК РФ мерами пресечения являются:

- «подписка о невыезде;
- личное поручительство;
- наблюдение командования воинской части;
- присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- запрет определенных действий (п. 4.1 введен Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ);
- залог;
- домашний арест;
- заключение под стражу» [40].

«Под основаниями избрания меры пресечения в теории уголовного процесса понимается совокупность конкретных, доказанных фактических данных и юридических условий, которые свидетельствуют о необходимости применить к обвиняемому (подозреваемому) одну из мер пресечения, предусмотренных ст. 98 УПК РФ» [2].

«Статья 97 УПК РФ регламентирует основания для избрания меры пресечения. Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В случаях, предусмотренных УПК РФ, при избрании меры пресечения в виде залога суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению одного или нескольких запретов, предусмотренных частью шестой статьи 105.1 настоящего Кодекса, а при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста одного или нескольких запретов, предусмотренных пунктами 3-5 части шестой статьи 105.1 настоящего Кодекса» [40].

«В случае продолжения производства по уголовному делу, по которому истекли сроки давности уголовного преследования, меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого применяться не могут, за исключением случаев, если лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы» [3].

Таким образом, система оснований является двухуровневой и включает в себя общее основание и специальное основание.

«Общее основание – это согласно ч. 1 ст. 97 УПК РФ, таковым являются достаточные основания полагать, что обвиняемый (подозреваемый): скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» [6].

Как справедливо отмечает З.Д. Еникеев, «категория «достаточные основания полагать» занимает промежуточное положение между знанием и предположением и должна быть основана на совокупности конкретных, проверяемых доказательств, а не на умозрительных выводах следователя» [14].

Помимо общего основания, закон обязывает правоприменителя учитывать целый ряд дополнительных обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 99 УПК РФ. К ним относятся: тяжесть предъявленного обвинения; данные о личности обвиняемого (подозреваемого); его возраст, состояние здоровья; семейное положение, род занятий и иные обстоятельства.

При этом, как подчеркивает Д.А. Петров, «тяжесть преступления, хотя и является важным критерием, не может служить единственным и самодостаточным основанием для избрания строгой меры пресечения. Необходима комплексная оценка всех перечисленных в законе факторов» [28].

Процессуальный порядок избрания меры пресечения детально регламентирован главой 13 УПК РФ и отличается в зависимости от категории избираемой меры. Однако можно выделить универсальные стадии этого процесса.

Вынесение мотивированного постановления (определения). Решение об избрании меры пресечения, за исключением заключения под стражу и домашнего ареста, оформляется постановлением следователя, дознавателя или определением суда. В данном акте должны быть приведены конкретные факты и доказательства, обосновывающие как наличие общего основания, так

и необходимость избрания именно данной меры. Отсутствие мотивировки является существенным процессуальным нарушением.

Предъявление обвинения. В соответствии с ч. 2 ст. 101 УПК РФ, мера пресечения в отношении обвиняемого избирается не позднее 3 суток с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Это правило связывает применение наиболее строгих мер процессуального принуждения с наличием четко сформулированного обвинения.

Судебный порядок избрания отдельных мер пресечения. В соответствии со ст. 108 УПК РФ, такие меры пресечения, как заключение под стражу и домашний арест, избираются исключительно по судебному решению. Данная процедура является важнейшей гарантией прав личности.

Так, «следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство об избрании меры пресечения. Рассмотрение ходатайства проводится в закрытом судебном заседании с обязательным участием обвиняемого, защитника, прокурора» [15]. Закон допускает исключения (например, участие по видеоконференц-связи), но принцип состязательности должен быть соблюден. Судья, оценив представленные материалы и выслушав стороны, выносит мотивированное постановление об удовлетворении ходатайства либо об отказе в нем.

«Лицу, в отношении которого избрана мера пресечения, немедленно разъясняются ее условия, порядок соблюдения и ответственность за нарушение. Постановление или определение об избрании меры пресечения может быть обжаловано в установленном ст. 125 УПК РФ порядке» [15].

Статья 102 УПК РФ регламентирует применение подписки о невыезде и надлежащем поведении состоит в письменном обязательстве подозреваемого или обвиняемого:

- не покидать место жительства или место пребывания без разрешения дознавателя, следователя или суда;

- в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд;
- иным путем не препятствовать производству по уголовному делу.

Личное поручительство закреплено в статье 103 УПК РФ и состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 настоящего Кодекса.

Избрание личного поручительства в качестве меры пресечения допускается по письменному ходатайству одного или нескольких поручителей с согласия лица, в отношении которого дается поручительство. Поручителю разъясняются существо подозрения или обвинения, а также обязанности и ответственность поручителя, связанные с выполнением личного поручительства. В случае невыполнения поручителем своих обязательств на него может быть наложено денежное взыскание в размере до десяти тысяч рублей в порядке, установленном статьей 118 настоящего Кодекса.

Статья 104 УПК РФ – наблюдение командования воинской части за подозреваемым или обвиняемым, являющимися военнослужащими или гражданами, проходящими военные сборы, состоит в принятии мер, предусмотренных уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, а за подозреваемым или обвиняемым, являющимися гражданами, пребывающими в добровольческом формировании, - в принятии мер, установленных Порядком поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требованиями, предъявляемыми к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, определяемыми Министерством обороны Российской Федерации (Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации), в целях обеспечения выполнения этими подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных пунктами 2 и 3 статьи 102 настоящего Кодекса.

«Постановление об избрании меры пресечения, предусмотренной частью первой настоящей статьи, направляется командованию воинской части, которому разъясняются существо подозрения или обвинения и его обязанности по исполнению данной меры пресечения. В случае совершения подозреваемым, обвиняемым действий, для предупреждения которых была избрана данная мера пресечения, командование воинской части немедленно сообщает об этом в орган, избравший данную меру пресечения» [40].

Статья 105 УПК РФ – присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым состоит в обеспечении его надлежащего поведения, предусмотренного статьей 102 настоящего Кодекса, родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится, о чем эти лица дают письменное обязательство.

«При избрании данной меры пресечения дознаватель, следователь или суд разъясняет лицам, указанным в части первой настоящей статьи, существо подозрения или обвинения, а также их ответственность, связанную с обязанностями по присмотру.

Статья 105.1. запрет определенных действий в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных частью шестой настоящей статьи, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов. Запрет определенных действий может быть избран в любой момент производства по уголовному делу.

При необходимости избрания в качестве меры пресечения запрета определенных действий, а равно при необходимости возложения дополнительных запретов на подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого применена мера пресечения в виде запрета определенных действий,

следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом соответствующее ходатайство. В постановлении о возбуждении перед судом данного ходатайства указываются один или несколько запретов, предусмотренных частью шестой настоящей статьи, мотивы и основания их установления в отношении подозреваемого или обвиняемого и невозможности избрания иной меры пресечения» [40].

Рассмотрев ходатайство, судья выносит одно из следующих постановлений:

- «об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде запрета определенных действий;
- о возложении дополнительных запретов на подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого применена мера пресечения в виде запрета определенных действий;
- об отказе в удовлетворении ходатайства» [40].

«Суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий может возложить следующие запреты:

- выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;
- находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;

- управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» [40].

«Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, с дознавателем и контролирующим органом. О каждом таком звонке в случае установления запрета, связанного с использованием средств связи, подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган.

В случае нарушения подозреваемым или обвиняемым возложенных на него запретов, отказа от применения к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля или умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности указанных средств либо совершения им иных действий, направленных на нарушение функционирования применяемых к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, суд по ходатайству следователя или дознавателя, а в период судебного разбирательства по представлению контролирующего органа может изменить эту меру пресечения на более строгую» [3].

Статья 106 УПК РФ регламентирует применение залога. «Залог состоит во внесении или в передаче подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на стадии предварительного расследования в орган, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства - в суд недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу. Залог может быть избран в любой момент производства по уголовному делу» [40].

Статья 107 УПК РФ регламентирует домашний арест. Так, «домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение.

Домашний арест избирается на срок до двух месяцев. Срок домашнего ареста исчисляется с момента вынесения судом решения об избрании данной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого. Домашний арест в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда в порядке, установленном статьей 108 настоящего Кодекса, с учетом особенностей, определенных настоящей статьей» [40].

Рассмотрев ходатайство об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, судья выносит одно из следующих постановлений:

- об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста;
- об отказе в удовлетворении ходатайства.

«Постановление судьи направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, контролирующему органу по месту отбывания домашнего ареста, подозреваемому или обвиняемому и подлежит немедленному исполнению.

Суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может установить запреты, предусмотренные пунктами 3 - 5 части шестой статьи 105.1 настоящего Кодекса. В решении суда об избрании меры пресечения в

виде домашнего ареста указываются условия исполнения этой меры пресечения, в том числе место, в котором будет находиться подозреваемый или обвиняемый, срок домашнего ареста, запреты, установленные в отношении подозреваемого или обвиняемого, способы связи со следователем, с дознавателем и контролирующим органом» [40].

Так, домашний арест занимает промежуточное положение между свободой и заключением под стражу. Использование систем электронного мониторинга (СЭМПЛ) позволяет эффективно контролировать соблюдение установленных ограничений, однако высокая стоимость оборудования и его обслуживания препятствует широкому применению данной меры [12]. Анализ практики ЕСПЧ показывает, что длительный домашний арест может приравниваться к лишению свободы, что требует соблюдения соответствующих гарантий.

Залог как имущественная гарантия надлежащего поведения применяется в России крайне редко - менее чем в 1% случаев. Основными препятствиями выступают отсутствие у большинства обвиняемых значительных денежных средств и сложность определения адекватного размера залога. Зарубежный опыт показывает эффективность института профессиональных поручителей, однако в российских условиях введение подобного института может создать коррупционные риски.

Анализ судебной и следственной практики позволяет выявить ряд системных проблем. Как указывает А.П. Рыжаков [33], зачастую наблюдается формальный подход к оценке оснований, когда в постановлениях дословно переписываются формулировки ст. 97 УПК РФ без приведения конкретных, индивидуализированных данных о поведении конкретного обвиняемого.

Критикуется и практика «автоматического» избрания заключения под стражи в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких преступлений, без реальной проверки наличия оснований полагать, что они скроются или воспрепятствуют производству по делу. Как отмечает Т.Г. Морщакова, это

противоречит принципу соразмерности и презумпции невиновности, трансформируя меру пресечения в предварительное наказание [23].

Заключение под стражу остается в системе мер пресечения, применяемой при невозможности обеспечить цели уголовного судопроизводства иными средствами. Условия содержания в следственных изоляторах, несмотря на проводимые реформы, часто не соответствуют международным стандартам, что в свое время порождало многочисленные жалобы в ЕСПЧ.

Индивидуализация мер пресечения выступает краеугольным камнем справедливого уголовного процесса. Статья 99 УПК РФ содержит открытый перечень обстоятельств, подлежащих учету при избрании меры пресечения, что предоставляет правоприменителю широкие дискреционные полномочия. Анализ более 100 судебных решений об избрании мер пресечения показывает, что суды часто ограничиваются формальным перечислением обстоятельств без их реальной оценки. Типичными недостатками мотивировочной части таких решений являются: игнорирование положительных характеристик личности обвиняемого, отсутствие анализа семейного положения и состояния здоровья, механическая ссылка на тяжесть преступления без учета конкретных рисков.

Принцип приоритета более мягкой меры пресечения, закрепленный в части 1 статьи 108 УПК РФ, на практике часто нарушается. Суды склонны удовлетворять ходатайства следователей о заключении под стражу, не требуя обоснования невозможности применения альтернативных мер. Представляется необходимым ввести в УПК РФ норму об обязательном поэтапном рассмотрении всех возможных мер пресечения, начиная с наиболее мягкой, с приведением мотивов невозможности их применения.

Подлинная индивидуализация требует выхода за рамки формального подхода и учета социального контекста. Например, для обвиняемого, являющегося единственным кормильцем многодетной семьи, даже кратковременное заключение под стражу может иметь катастрофические

последствия. Наличие у лица тяжелого заболевания, требующего постоянного лечения, делает содержание под стражей не только негуманным, но и создает риски для жизни.

К сожалению, правоприменительная практика демонстрирует недостаточное внимание к подобным обстоятельствам. Необходимо разработать методические рекомендации для судей, содержащие алгоритм оценки личностных и социальных факторов при избрании мер пресечения.

Некоторые авторы справедливо подчеркивают, что механический подход к выбору меры пресечения исключительно на основе тяжести инкриминируемого преступления ведет к нарушению прав личности и не способствует эффективному достижению целей уголовного судопроизводства. В связи с этим необходимо учитывать личностные характеристики обвиняемого, подозреваемого, наличие у него семейных и социальных связей, постоянного места жительства и работы, состояние здоровья, особенности его поведения в ходе расследования [8].

Особые трудности возникают при избрании мер пресечения в отношении беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. Хотя в законе (ч. 1 ст. 108 УПК РФ) предусмотрен запрет на применение заключения под стражу в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 14 лет, если они обвиняются в совершении преступлений небольшой тяжести, на практике данная норма не всегда соблюдается в полной мере. В ряде случаев суды избирают заключение под стражу в отношении таких лиц без достаточных к тому оснований, не учитывая в полной мере интересы несовершеннолетних детей и возможное негативное влияние на протекание беременности.

Актуальной проблемой остается и обеспечение разумных сроков применения мер пресечения. Нередко подозреваемые и обвиняемые находятся под стражей или под домашним арестом неоправданно долго, в течение многих месяцев и даже лет. Хотя закон и устанавливает предельные сроки содержания под стражей на этапе предварительного расследования, они

нередко обходятся путем прекращения уголовного дела и его возобновления. В результате лицо может длительное время пребывать в неопределенном процессуальном положении, будучи существенно ограниченным в своих правах.

Для повышения эффективности судебного контроля за применением мер пресечения необходимо не только совершенствование законодательства, но и изменение сложившейся правоприменительной практики.

Таким образом, законодательная конструкция оснований и процессуального порядка избрания мер пресечения представляет собой сложный, многофакторный механизм, призванный обеспечить баланс публичных и частных интересов. Его эффективность напрямую зависит от неформального, взвешенного подхода правоприменителя к оценке всей совокупности обстоятельств по делу, строгого соблюдения процедурных гарантий, в особенности судебного контроля, и последовательной реализации принципа соразмерности, согласно которому ограничение прав должно быть минимально необходимым для достижения целей правосудия.

2.4 Основания и порядок применения иных мер процессуального принуждения

Наряду с мерами пресечения, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает систему иных мер процессуального принуждения, регламентированных главой 14 УПК РФ. Данная группа мер, не направленная на обеспечение поведения обвиняемого, как меры пресечения, выполняет вспомогательную, но важную роль в уголовном судопроизводстве. Их применение призвано обеспечить нормальный ход расследования и судебного разбирательства, надлежащее исполнение приговора. Специфика этих мер заключается в их широком адресате (они могут применяться к различным участникам процесса) и в менее строгом характере ограничений

прав личности, что, однако, не отменяет необходимости четкой регламентации оснований и порядка их применения.

«Под иными мерами процессуального принуждения понимаются предусмотренные УПК РФ меры государственного принуждения, применяемые уполномоченными органами к подозреваемому, обвиняемому, а также к иным участникам уголовного судопроизводства в целях решения конкретных задач расследования и судопроизводства, не связанных с пресечением противоправного поведения обвиняемого» [10].

Как справедливо отмечает А.П. Рыжаков, ключевым отличием этой группы мер от мер пресечения является их целевое назначение. Если меры пресечения обеспечивают будущее поведение обвиняемого, то иные меры принуждения обеспечивают надлежащее течение процесса в настоящем.

«Система иных мер процессуального принуждения, закрепленная в ст. 111 УПК РФ, включает:

- обязательство о явке (ст. 112 УПК РФ);
- привод (ст. 113 УПК РФ);
- временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ);
- наложение ареста на имущество (ст. 115-116 УПК РФ);
- денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ)» [9].

Общим основанием для применения любой из иных мер процессуального принуждения является невыполнение участником уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей либо наличие достаточных оснований полагать, что без применения принуждения не будут достигнуты цели правосудия (например, обеспечение гражданского иска).

К общим условиям правомерного применения относятся:

- наличие возбужденного уголовного дела;
- отнесение лица к конкретной процессуальной категории (обвиняемый, свидетель, потерпевший и т.д.);

- соблюдение принципа соразмерности. Избираемая мера должна быть пропорциональна тяжести совершенного деяния (для обвиняемого) или характеру нарушения (для иных участников);
- соблюдение установленной законом процессуальной формы.

Решение о применении меры должно быть оформлено соответствующим постановлением (определением) уполномоченного лица.

Рассмотрим основания и порядок применения отдельных видов иных мер процессуального принуждения.

Основанием для принятия обязательства о явке является необходимость обеспечить своевременную явку участника процесса к следователю, дознавателю или в суд. Порядок применения включает разъяснение сути обязанности и ответственности за ее нарушение и отбирание соответствующей подписки.

Привод применяется при неявке участника процесса без уважительных причин. Основанием служит соответствующее постановление следователя, дознавателя или определение суда. Процессуальный порядок строго регламентирован: привод не может производиться в ночное время, а также в отношении несовершеннолетних, беременных женщин и больных лиц.

Процедурные аспекты привода регламентированы недостаточно детально. УПК РФ не устанавливает максимальную продолжительность привода, порядок обращения с доставленным лицом, гарантии обеспечения его прав. На практике это компенсируется применением по аналогии норм об административном задержании, что не вполне корректно с точки зрения различной правовой природы данных институтов.

В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от 14 июля 2011 г. № 1026-О-О [26], привод как мера принуждения может быть применен лишь при наличии достаточных оснований полагать, что лицо умышленно уклоняется от явки по вызову. При этом должны быть предприняты все необходимые меры для надлежащего уведомления лица о необходимости явки. Такой подход способствует

обеспечению справедливого баланса между интересами правосудия и защитой прав личности.

Временное отстранение от должности – данная мера, носящая превентивный характер, применяется исключительно к обвиняемому. Основаниями для ее применения являются (ст. 114 УПК РФ):

- наличие достаточных оснований полагать, что оставление обвиняемого в должности будет способствовать его противодействию предварительному расследованию;
- необходимость обеспечить исполнение возможного приговора в части гражданского иска или других имущественных взысканий.

Ходатайство возбуждается следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора и рассматривается судом по месту производства расследования.

Данная мера принуждения имеет двойственную природу. С одной стороны, она выполняет обеспечительную функцию, предупреждая возможность совершения новых преступлений или противодействия расследованию. С другой стороны, как отмечает Е.В. Манджиева, временное отстранение от должности выполняет превентивную функцию, способствуя предотвращению злоупотреблений должностными полномочиями. В этом контексте временное отстранение от должности выступает важным инструментом обеспечения задач уголовного судопроизводства.

«Наложение ареста на имущество – эта мера направлена на обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации. Основанием является наличие достаточных данных полагать, что имущество, полученное в результате преступных действий или являющееся доходом от него, может быть скрыто, отчуждено или уничтожено. Порядок применения также требует судебного решения, за исключением случаев, не терпящих отлагательства, когда арест может быть наложен с последующим утверждением решения судом в течение 3 суток» [21].

Арест имущества в уголовном процессе выполняет обеспечительную функцию, предотвращая возможность сокрытия или отчуждения активов до вынесения итогового судебного решения. Данная мера затрагивает фундаментальное право собственности, что обуславливает исключительно судебный порядок ее применения. Конституционный принцип неприкосновенности собственности требует тщательного обоснования необходимости и соразмерности такого вмешательства.

Применение норм ГПК РФ о неприкосновенности определенных видов имущества в уголовном процессе создает важные социальные гарантии. Запрет ареста единственного жилья, предметов первой необходимости, орудий труда защищает минимальный уровень существования лица и его семьи. Однако практика выявляет попытки обхода данных ограничений через формальное переоформление имущества на третьих лиц, что требует развития механизмов противодействия таким злоупотреблениям.

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался по вопросам наложения ареста на имущество. В частности, в Постановлении от 31 января 2011 г. № 1-П. Суд подчеркнул, что арест имущества должен отвечать критериям справедливости и соразмерности. Ограничение права собственности должно компенсироваться наличием эффективных гарантий защиты прав собственника, включая судебный контроль за законностью и обоснованностью наложения ареста, а также возможность обжалования соответствующего решения.

Статистический анализ применения ареста имущества демонстрирует высокую активность правоохранительных органов в использовании данного института. Снижение количества ходатайств с 45,5 тысяч в 2017 году до 40,8 тысяч в 2018 году может свидетельствовать как о повышении качества предварительной проработки оснований для ареста, так и о более взвешенном подходе к применению данной меры. Показатель удовлетворения ходатайств на уровне 87% указывает на достаточно высокое качество подготовки процессуальных документов следственными органами. Вместе с тем столь

высокий процент удовлетворения может свидетельствовать и о недостаточно критическом подходе судов к оценке представленных материалов. Европейский опыт показывает, что в странах с развитой системой судебного контроля процент удовлетворения аналогичных ходатайств составляет 60-70%, что отражает более тщательную проверку обоснованности и соразмерности применяемых ограничений.

Доминирование коррупционных дел в структуре применения ареста имущества объясняется спецификой данной категории преступлений. Незаконное обогащение создает имущественную базу, подлежащую изъятию в рамках восстановления социальной справедливости. Кратные штрафы, применяемые за коррупционные преступления, требуют обеспечительных мер уже на стадии расследования, поскольку промедление может привести к выводу активов за пределы юрисдикции. Особенностью ареста имущества по коррупционным делам является необходимость доказывания связи арестовываемых активов с преступной деятельностью. Презумпция невиновности требует обоснования того, что конкретное имущество приобретено на средства, полученные преступным путем, либо что его стоимость явно несоразмерна законным доходам лица. Это создает дополнительную процессуальную нагрузку на органы расследования и требует проведения сложных финансовых расследований с привлечением специалистов.

Денежное взыскание (процессуальный штраф) является мерой ответственности за нарушение процессуальных обязанностей. Основаниями для его наложения служат конкретные нарушения, перечисленные в ст. 117 УПК РФ (неявка без уважительных причин, нарушение порядка в судебном заседании и другое). Порядок применения различается в зависимости от стадии процесса. На досудебных стадиях взыскание налагается судьей по ходатайству следователя или дознавателя. В судебных стадиях – самим судом, рассматривающим дело.

Процедура наложения денежного взыскания предусматривает судебный контроль, что служит гарантией от произвольного применения. Однако практика показывает формальный подход судов к рассмотрению таких вопросов. Отсутствие четких критериев «неуважительности» неявки или «существенности» нарушения порядка создает предпосылки для субъективизма. Необходима разработка методических рекомендаций, конкретизирующих основания и порядок применения денежных взысканий с учетом принципов соразмерности и индивидуализации ответственности.

Размер взыскания устанавливается судом с учетом тяжести совершенного нарушения и личности правонарушителя. Следует отметить, что денежное взыскание по своей сути представляет меру уголовно-процессуальной ответственности, а не просто праввосстановительную санкцию.

По мнению ряда исследователей, денежное взыскание является формой процессуальной ответственности, поскольку включает элемент наказания за ненадлежащее выполнение процессуальных обязанностей. Другие авторы рассматривают денежное взыскание как меру процессуального принуждения, направленную на обеспечение надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства.

Несмотря на менее строгий характер, применение иных мер процессуального принуждения сопряжено с рядом проблем. Как указывает С.А. Шейфер, на практике часто наблюдается формальный подход к избранию мер, в частности, наложение ареста на имущество без реальной оценки его соразмерности заявленному иску, что приводит к необоснованному ограничению прав собственности [50].

Вместе с тем в практическом применении иных мер процессуального принуждения имеются определенные проблемы и недостатки. Прежде всего следует отметить недостаточную определенность оснований применения некоторых из них. Так, привод может осуществляться при неявке лица по вызову «без уважительных причин», однако четких критериев уважительности

таких причин закон не устанавливает. Это порождает риски произвольного и несоразмерного ограничения свободы граждан.

По мнению С.И. Вершининой [7], отсутствие в законе четких критериев оценки уважительности причин неявки создает предпосылки для субъективного усмотрения правоприменителя, что не способствует единообразию следственной и судебной практики. В связи с этим представляется целесообразным законодательно закрепить примерный перечень обстоятельств, которые могут признаваться уважительными причинами неявки (болезнь лица или его близких родственников, стихийные бедствия, задержка транспорта и тому подобное).

Сложности вызывает и реализация института временного отстранения от должности. УПК РФ не содержит четкого перечня должностных лиц, к которым может быть применена данная мера, а также не регламентирует предельные сроки отстранения. Фактически лицо может быть отстранено от должности на весь период расследования, что не во всех случаях является оправданным и необходимым. Кроме того, закон не предусматривает обязательного участия лица при решении вопроса о его отстранении, хотя это напрямую затрагивает его права и законные интересы.

Наиболее острые дискуссии в науке и на практике вызывает применение такой меры как наложение ареста на имущество. С одной стороны, необходимость ее применения сложно оспорить, поскольку она направлена на обеспечение прав потерпевших от преступления и реализацию конфискационных последствий. С другой стороны, масштабы и продолжительность ареста зачастую оказываются явно несоразмерными причиненному ущербу или стоимости потенциально конфискуемого имущества. Как показывает практика, нередко арест налагается на все имеющееся у лица имущество, включая единственное жилье и предметы обычной домашней обстановки, что ставит его и членов его семьи на грань выживания. При этом срок действия ареста может исчисляться годами, до вступления приговора в законную силу.

В качестве одного из путей решения указанных проблем в литературе предлагается установление в законе максимальных сроков действия ареста на имущество [48], а также возможности его замены менее обременительными мерами (например, залогом). Кроме того, следует предусмотреть специальную процедуру наложения ареста на единственное жилье обвиняемого, подозреваемого с обязательным предоставлением ему замещающего жилого помещения из муниципального фонда. Это позволит обеспечить соблюдение конституционного права на жилище.

Подводя итог, следует отметить, что иные меры процессуального принуждения являются важным элементом в системе обеспечения надлежащего порядка уголовного судопроизводства. Они позволяют процессуальную дисциплину участников процесса, получать доказательства, гарантировать возмещение причиненного преступлением ущерба.

Вместе с тем их применение связано с ограничением конституционных прав граждан, поэтому должно осуществляться строго на основании закона и при наличии к тому достаточных оснований. Дальнейшее развитие данного института должно идти по пути более четкой законодательной регламентации порядка и условий применения отдельных мер, установления критериев их соразмерности, расширения возможностей судебной защиты прав лиц, в отношении которых они применяются. Только такой подход позволит максимально сбалансировать частные и публичные интересы в сфере уголовного судопроизводства.

Таким образом, система иных мер процессуального принуждения представляет собой необходимый и сложно структурированный институт, обеспечивающий функциональность уголовного процесса. Его эффективное и законное применение требует от правоприменителя тщательной оценки как общих, так и специальных оснований для каждой меры, неукоснительного соблюдения установленной законом процедуры, в особенности судебного порядка, и постоянного соотнесения целей правосудия с принципом соразмерности ограничения прав и свобод человека.

Глава 3 Проблемы правового регулирования и практики применения мер уголовно-процессуального принуждения и пути их совершенствования

Применение мер уголовно-процессуального принуждения, будучи объективной необходимостью для эффективного осуществления правосудия, неизбежно вступает в сложное системное противоречие с фундаментальными принципами неприкосновенности личности, уважения достоинства человека и презумпции невиновности. Это противоречие создает устойчивую и многогранную проблематику обеспечения прав и свобод личности в досудебном производстве. Несмотря на детальную законодательную регламентацию, правоприменительная практика демонстрирует ряд системных дисфункций, при которых властные полномочия государства зачастую реализуются в ущерб конституционным гарантиям граждан.

Так следует выделить проблему обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ). Ключевой проблемой в данной сфере является расширительное толкование и формализация оснований для применения наиболее строгих мер, в особенности заключения под стражу в качестве меры пресечения.

Как отмечает Т.Г. Морщакова, в судебных решениях об избрании заключения под стражу зачастую присутствует механическое переписывание формулировок ст. 97, 108 УПК РФ («может скрыться», «может продолжить преступную деятельность») без приведения конкретных, индивидуализированных и проверяемых данных, подтверждающих эти опасения применительно к конкретному обвиняемому. Это приводит к тому, что тяжесть предъявленного обвинения де-факто становится единственным и достаточным основанием для лишения свободы, что противоречит принципу соразмерности.

Широко распространенной является практика, при которой заключение под стражу применяется не для пресечения конкретных рисков, а в качестве

средства давления на обвиняемого или «аванса» будущего наказания, что прямо нарушает презумпцию невиновности.

Следующей проблемой является реализация права на защиту (ст. 48 Конституции РФ, ст. 16 УПК РФ). Так, эффективность защиты напрямую зависит от своевременности и полноты участия защитника, однако на стадии применения принуждения здесь существует ряд серьезных нарушений.

Несмотря на ясную позицию Конституционного Суда РФ, на практике сохраняются случаи так называемого «технического» допуска защитника, когда его участие ограничивается формальным присутствием, а реальные консультации с подзащитным и активное участие в процессуальных действиях затруднены. Защита зачастую не имеет достаточного времени для ознакомления с материалами, обосновывающими ходатайство об аресте, что ставит ее в заведомо неравное положение с обвинением и нарушает принцип состязательности.

Также следует выделить проблему соблюдения принципа соразмерности (пропорциональности). Принцип соразмерности, являющийся краеугольным камнем правового применения принуждения, на практике часто игнорируется.

Так, справедливо указывает А.П. Рыжаков, распространенной является практика наложения ареста на имущество, многократно превышающее по своей стоимости размер возможного гражданского иска, что представляет собой не обеспечительную, а карательную меру, не связанную с целями уголовного судопроизводства. Или отметим применение залога. Размер залога зачастую устанавливается исходя не из реального финансового положения обвиняемого, а из тяжести преступления, что делает данную меру недоступной для большинства граждан и лишает ее смысла как альтернативы заключению под стражу.

Следующей проблемой можно выделить проблему судебного контроля и обжалования. Отметим, что судебный контроль, призванный быть главной гарантией прав личности, на деле не всегда эффективен.

Законность применения мер уголовно-процессуального принуждения, существенно ограничивающих конституционные права граждан, не может обеспечиваться исключительно внутренними убеждениями правоприменителя. В правовом государстве необходима система внешних проверочных механизмов, призванных нейтрализовать обвинительный уклон и предотвратить произвол. Такую функцию выполняют два ключевых института: судебный контроль и ведомственный контроль. Их взаимодействие и эффективность определяют степень реальной защищенности личности в уголовном судопроизводстве.

Судебный контроль представляет собой осуществляемую в установленных процессуальных формах деятельность суда по проверке законности и обоснованности действий и решений органов предварительного расследования, связанных с применением мер процессуального принуждения. Его возвышение в УПК РФ 2001 года стало следствием прямого действия конституционного принципа уважения достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ) и права на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ).

Основными формами судебного контроля в данной сфере являются: предварительный (превентивный) судебный контроль и последующий судебный контроль.

Предварительный (превентивный) судебный контроль – это санкционирование судом применения наиболее строгих мер, ограничивающих конституционные права. В соответствии со ст. 29 УПК РФ, к ним относятся:

- избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога (ст. 106, 108 УПК РФ);
- продление срока содержания под стражей;
- временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ);
- наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ);
- помещение в медицинский или психиатрический стационар для производства экспертизы.

Как подчеркивает П.А. Лупинская [22], предварительный судебный контроль является наиболее эффективной гарантией, так как он предотвращает незаконное ограничение прав до его фактического применения.

Последующий судебный контроль. Данная форма реализуется через право участников процесса обжаловать действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора (ст. 125 УПК РФ). Это позволяет суду проверить законность уже совершенного процессуального действия, например, отказа в возбуждении уголовного дела или применения иной меры принуждения.

Несмотря на прогрессивность самой идеи, на практике судебный контроль зачастую сталкивается с проблемой формальности. Как отмечает Ю.К. Якимович, при рассмотрении ходатайств об избрании заключения под стражу суды иногда ограничиваются констатацией формального соответствия представленных материалов требованиям ст. 108 УПК РФ, не углубляясь в оценку действительной обоснованности и соразмерности требуемой меры. Это превращает судебное заседание в процедуру легитимации позиции обвинения.

Ведомственный (административный) контроль – это деятельность руководителей следственных органов и органов дознания, а также прокурорский надзор за законностью процессуальных решений своих подчиненных. Его основные формы включают:

Первое – это контроль со стороны руководителя следственного органа (ст. 39 УПК РФ). Руководитель уполномочен давать согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, отменять незаконные постановления следователя, проверять уголовные дела.

Этот контроль носит оперативный характер, но его главный недостаток, по мнению А.В. Смирнова [36], заключается в ведомственной заинтересованности, поскольку оценка эффективности работы руководителя часто зависит от результатов раскрытия преступлений его подчиненными.

Прокурорский надзор (ст. 37 УПК РФ). Прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. К его полномочиям относятся: утверждение обвинительного заключения; дача согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения; отмена незаконных постановлений дознавателя; разрешение отводов и самоотводов.

Однако, как справедливо указывает С.А. Шейфер, после судебной реформы 2007 года, ограничившей полномочия прокурора в досудебном производстве, его надзор за следствием ослаблен и зачастую сводится к контролю уже принятых решений.

Проблемы эффективности ведомственного контроля:

- внутренний характер. Контроль осуществляется самой системы, что неизбежно порождает конфликт интересов и стремление «не выносить сор из избы»;
- приоритет обвинительной функции. И прокурор, и руководитель следственного органа в конечном счете заинтересованы в изобличении преступника, что может доминировать над задачей защиты прав конкретного лица.

В современной доктрине уголовного процесса судебный контроль признается безусловно приоритетной гарантией в силу независимости и беспристрастности суда. Ведомственный контроль, несмотря на его оперативность, не может в полной мере обеспечить объективность, так как является контролем «за самим собой».

Перспективным направлением развития является расширение сферы судебного контроля. В научной литературе, в частности, Т.Г. Морщаковой [23] и Э.Ф. Побегайло [31], высказываются предложения о необходимости введения судебного санкционирования иных процессуальных действий, существенно ограничивающих права граждан (например, обыска в жилище, контроля и записи телефонных переговоров), не только в стадии

предварительного расследования, но и в рамках проверки сообщения о преступлении.

Таким образом, судебный и ведомственный контроль, будучи взаимодополняющими механизмами, образуют двухуровневую систему гарантий законности применения мер процессуального принуждения. Однако их реальная эффективность неодинакова. Ведомственный контроль, в силу своей внутренней природы, не свободен от обвинительного уклона и не может в полной мере быть независимым судебным контролем. Укрепление гарантий прав личности видится в последовательном расширении прерогатив суда на досудебных стадиях процесса, повышении качества и глубины судебной проверки решений следственных органов и преодолении формального подхода при санкционировании наиболее строгих мер принуждения.

Суды в ряде случаев чрезмерно полагаются на позицию стороны обвинения, не требуя предоставления убедительных и конкретных доказательств наличия оснований для заключения под стражу. Фактически, бремя доказывания отсутствия оснований для ареста необоснованно перекладывается на защиту. Процедуры обжалования и продления сроков содержания под стражей зачастую носят ритуальный характер, когда суд ограничивается констатацией сохранения первоначальных, не конкретизированных оснований, без проверки их актуальности и обоснованности.

Важной проблемой является вопросы обеспечения прав иных участников процесса. Так, меры процессуального принуждения затрагивают не только обвиняемого. Например, привод свидетеля или потерпевшего, осуществленный с нарушениями, или наложение на них денежного взыскания без учета уважительности причин неявки, также представляют собой нарушение их прав и могут дискредитировать правосудие, отталкивая граждан от сотрудничества с органами власти.

Таким образом, проблемы соблюдения прав и свобод человека при применении мер уголовно-процессуального принуждения носят системный

характер и коренятся не только в пробелах законодательства, но и в сложившейся следственной и судебной практике, ориентированной на обвинительный уклон. Преодоление этих проблем требует не только точечных законодательных корректировок, но и кардинального изменения правосознания правоприменителей, внедрения в практику подлинно состязательных процедур, усиления реального, а не формального судебного контроля и безусловного приоритета конституционных ценностей личности над сиюминутными интересами расследования.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, практика применения мер пресечения остается одной из наиболее проблемных и дискуссионных сфер уголовного судопроизводства. Сохраняющийся обвинительный уклон, формализм в оценке оснований и сложившаяся судебная практика приводят к системным нарушениям прав личности и снижают эффективность мер пресечения как инструмента обеспечения надлежащего поведения обвиняемого. Анализ актуальных проблем позволяет выявить ключевые направления для совершенствования как законодательства, так и правоприменительной деятельности.

Наиболее острая дискуссия разворачивается вокруг применения заключения под стражу в качестве меры пресечения (ст. 108 УПК РФ). Главной проблемой является массовое удовлетворение судами ходатайств следствия. Как отмечает Т.Г. Морщакова, в постановлениях об аресте зачастую отсутствует индивидуализированная оценка рисков, указанных в ст. 97 УПК РФ. Основания «может скрыться» или «может продолжить преступную деятельность» констатируются без приведения конкретных, проверяемых доказательств, основанных на реальных действиях обвиняемого. Фактически тяжесть преступления становится самодостаточным основанием для заключения под стражу, что противоречит принципу соразмерности.

В научном сообществе (А.В. Смирнов, Ю.К. Якимович) [52] ведутся споры о том, может ли тяжесть инкриминируемого преступления сама по себе служить основанием для вывода о намерении скрыться. Преобладает позиция,

что тяжесть преступления – это лишь фактор, который может учитываться в совокупности с иными данными (отсутствие постоянного места жительства, связи, готовность скрыться), но не может их подменять.

На практике суд зачастую исходит из презумпции достоверности доказательств, представленных стороной обвинения, не требуя их критической оценки и не предоставляя защите реальной возможности их оспорить в рамках краткого судебного заседания по ст. 108 УПК РФ.

Введение домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ) как альтернативы заключению под стражу стало прогрессивным шагом. Однако его применение выявило новые проблемы. Эффективный контроль за соблюдением условий домашнего ареста требует значительных финансовых затрат на технические средства (электронные браслеты), а также создания специальных подразделений контроля, что реализовано не во всех регионах РФ. Это приводит к тому, что мера не применяется там, где формально могла бы быть избрана. На практике суды, стремясь перестраховаться, зачастую устанавливают максимально ограничительные условия, запрещая любые коммуникации, кроме как с защитником и близкими родственниками, что приводит к социальной изоляции обвиняемого, которую в доктрине называют «виртуальным заключением». Это ставит под сомнение гуманизирующую сущность данной меры.

В науке отсутствует единое понимание залога (ст. 106 УПК РФ). Является ли он денежным эквивалентом личного обязательства (З.Д. Еникеев [14]) или самостоятельной имущественной мерой пресечения? От ответа на этот вопрос зависит решение о судьбе залога в случае нарушения условий меры пресечения: обращается ли он в доход государства в полном объеме или лишь в той части, которая необходима для обеспечения явки?

Размер залога на практике часто устанавливается исходя не из реального имущественного положения обвиняемого, а из тяжести преступления. В результате залог становится мерой, доступной лишь для обеспеченных лиц, что нарушает принцип равенства всех перед законом и судом.

Формализация личного поручительства (ст. 103 УПК РФ). Данная мера применяется редко, так как органы следствия и суды не доверяют ее эффективности. Поручители часто не несут реальной ответственности, поскольку факт нарушения условий меры пресечения сложно доказать, а уголовная ответственность поручителя (ст. 306 УК РФ) наступает крайне редко.

Присмотр за несовершеннолетним (ст. 105 УПК РФ). Проблема заключается в отсутствии четких критериев оценки добросовестности лица, осуществляющего присмотр, и в недостаточной проработке механизма его ответственности. На практике это приводит к необоснованному отказу в применении данной меры в пользу более строгих.

Таким образом, актуальные проблемы применения мер пресечения свидетельствуют о глубоком системном кризисе, связанном с преобладанием карательной парадигмы в правоприменительной практике. Ключевыми дискуссионными вопросами остаются преодоление формализма и «автоматизма» при избрании заключения под стражу, развитие и обеспечение реальной доступности альтернативных мер, а также поиск баланса между эффективностью меры пресечения и соразмерностью ограничения прав личности. Решение этих проблем требует не только законодательных корректировок, но и кардинального изменения правосознания судей и следователей, внедрения в практику рекомендаций Верховного Суда РФ о необходимости конкретизации и доказывания оснований для избрания любой, особенно самой строгой, меры пресечения.

Заключение

Проведенное исследование позволило осуществить комплексный анализ мер уголовно-процессуального принуждения, раскрыть их сущность, назначение и основания применения, а также сформулировать выводы и предложения по совершенствованию правового регулирования и правоприменительной практики.

По итогам работы достигнуты следующие теоретические результаты.

Раскрыта правовая природа и сущность мер уголовно-процессуального принуждения, которые представляют собой основанные на законе властные полномочия государства, направленные на преодоление противодействия участников уголовного судопроизводства и обеспечение задач процесса. Их отличительными чертами являются государственно-властный характер, принудительность, временный характер и строгая процессуальная регламентация.

Характеристика система и классификация мер уголовно-процессуального принуждения, нам показала, что в российском законодательстве представляет собой сложный, многоуровневый комплекс правовых средств, направленных на обеспечение надлежащего хода уголовного судопроизводства. Ее структура и содержание определяются необходимостью обеспечения баланса между публичными интересами борьбы с преступностью и защиты частных интересов личности. Эта система характеризуется внутренней дифференциацией, позволяющей в каждом конкретном случае выбрать наиболее эффективную и в то же время наименее ограничительную меру процессуального принуждения.

Рассмотрение задержания как меры уголовно-процессуального принуждения позволяет нам констатировать, что данная мера занимает важное место в системе мер процессуального принуждения. Ее особенность заключается в том, что она может быть применена на ранних этапах

уголовного судопроизводства, когда еще отсутствуют достаточные доказательства для предъявления обвинения и избрания меры пресечения.

При этом задержание имеет строго определенные цели, основания и порядок применения, что обеспечивает баланс между интересами правосудия и защитой прав личности.

Изучая меры пресечения в системе мер уголовно-процессуального принуждения, мы пришли к выводу, что институт мер пресечения в системе уголовно-процессуального принуждения играет важную роль в обеспечении надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства и решении задач уголовного процесса. Вместе с тем их применение сопряжено с существенными ограничениями прав и свобод личности, что требует установления строгих законодательных гарантий от необоснованного и чрезмерного принуждения. Они позволяют процессуальную дисциплину участников процесса, получать доказательства, гарантировать возмещение причиненного преступлением ущерба. Вместе с тем их применение связано с ограничением конституционных прав граждан, поэтому должно осуществляться строго на основании закона.

Относительно проблемы применения мер уголовно-процессуального принуждения, можем сказать, что серьезной проблемой является и недооценка правоприменителем значения судебного контроля в механизме применения мер уголовно-процессуального принуждения. Несмотря на то, что действующий УПК РФ существенно расширил роль суда в данной сфере, передав ему полномочия по санкционированию ареста, домашнего ареста, залога и ряда иных мер, качество осуществления данной функции пока остается невысоким.

Определено системное назначение данного института, которое заключается не только в обеспечении надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого), но и в создании условий для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, исполнения приговора, а также поддержания порядка в уголовном судопроизводстве.

Выявлена и проанализирована система оснований и условий применения мер принуждения. Установлено, что общим основанием является наличие возбужденного уголовного дела и необходимости достижения целей, указанных в законе (ст. 111 УПК РФ). Условия же (соблюдение процессуальной формы, принципа соразмерности, судебный контроль) выступают правовыми рамками, гарантирующими законность и обоснованность каждого ограничительного действия. Классифицированы меры уголовно-процессуального принуждения на три основные группы: задержание подозреваемого, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения. Показано, что каждая из этих групп имеет специфическое целевое назначение, особый субъектный состав и процедуру применения.

В рамках анализа правоприменительной практики выявлены следующие проблемы. Наиболее острой проблемой остается расширительное толкование оснований для избрания заключения под стражу, что приводит к его «автоматическому» применению и трансформации из меры пресечения в инструмент давления и предварительного наказания. Второе – это существует значительный дисбаланс в применении мер пресечения. Меры, не связанные с лишением свободы (залог, личное поручительство, домашний арест в его гуманной форме), применяются недостаточно часто, что свидетельствует о нереализованном потенциале принципа соразмерности. Третье – это не в полной мере соответствуют своему назначению гарантии прав личности, в частности, право на защиту на стадии задержания и избрания меры пресечения, где зачастую наблюдается формализм и ограничение реальной возможности защитника оспорить доводы обвинения. Четвертое – это судебный контроль за законностью применения мер принуждения, особенно на стадии предварительного расследования, в ряде случаев носит формальный характер, при котором суд излишне полагается на позицию стороны обвинения, не требуя предоставления конкретных и проверяемых доказательств обоснованности ограничения прав.

На основе проведенного исследования предлагаются следующие пути совершенствования:

конкретизировать в УПК РФ критерии оценки «достаточных оснований полагать» при избрании мер пресечения, обязав правоприменителя ссылаться на конкретные, установленные по делу факты, а не на умозрительные предположения; расширить перечень обстоятельств, подлежащих учету при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ), включив в него наличие постоянного места работы, семьи с несовершеннолетними детьми, состояния здоровья, требующего постоянного лечения; рекомендовать судам при рассмотрении ходатайств об избрании заключения под стражу активно использовать принцип «восходящей лестницы», последовательно обосновывая в решении невозможность применения любой иной, более мягкой меры; способствовать развитию практики применения домашнего ареста без установления избыточных ограничений, а также стимулировать использование залога с учетом реального имущественного положения обвиняемого.

Таким образом, институт мер уголовно-процессуального принуждения, являясь необходимым инструментом отправления правосудия, требует постоянного поиска баланса между эффективностью борьбы с преступностью и незыблемостью прав и свобод человека. Достижение этого баланса видится в последовательной гуманизации уголовно-процессуального законодательства, укреплении независимого и содержательного судебного контроля и формировании у правоприменителей устойчивой ориентации на приоритет конституционных ценностей.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александров А.С., Гришин С.П. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2019. 256 с.
2. Баранов А.М. Цели и основания применения мер уголовно-процессуального принуждения // Законодательство. 2021. № 5. С. 45-52.
3. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 608 с.
4. Божьев, В.П. Уголовный процесс : учебник для вузов / В.П. Божьев. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2018. 574 с.
5. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М. : Юрлитинформ, 2019. 384 с.
6. Бородинова Т.Г., Шаталов А.С. Уголовный процесс: Учебник для бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2022. 720 с.
7. Вершинина С.И. О чрезмерности применения заключения под стражу. Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 18-24
8. Вершинина С.И. О юридической природе, понятии и системе уголовно-процессуального принуждения. Журнал российского права. 2016. № 5 (233). С. 90-98.
9. Гаврилов Б.Я. Современная система мер уголовно-процессуального принуждения: проблемы и пути совершенствования // Уголовное право. 2022. № 3. С. 78-85.
10. Гриненко А.В. Уголовный процесс России: Учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2021. 496 с.
11. Громов Н.А. Уголовный процесс России: учебное пособие / Н.А. Громов. – М. : Юристъ, 1998. 552 с.

12. Давыдов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. – М. : Юстиция, 2018. 256 с.
13. Ендольцева А.В. Институт мер пресечения в уголовном процессе: проблемы теории и практики. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.
14. Еникеев З.Д. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве: монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 288 с.
15. Есипова К.А. Проблемы соразмерности мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2020. № 8. С. 22-26.
16. Железняк Т.И. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 23 с.
17. Жилкыбаева Т.С. Основания и порядок проведения следственного действия (обыска) в жилище // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 496-500.
18. Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. – М.: Проспект, 2017. 192 с.
19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. и доп.) // Российская газета. 2020. № 144.
20. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.Ю. Девятко, Г.И. Загорский, М.Г. Загорский и др.; под науч. ред. Г.И. Загорского. - М. : Проспект, 2016. 1216 с.
21. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. - М. : Статут, 2016. 1278 с.
22. Lupinskaya, P.A. Resolutions in criminal proceedings: theory and practice / P.A. Lupinskaya. – 3-rd ed., revised and supplemented. – Moscow : Norma, 2018. 288 p.
23. Морщакова Т.Г. Принцип соразмерности в уголовном судопроизводстве: конституционно-правовые основы // Закон. 2020. № 7. С. 83–95.

24. Николюк В.В. Эволюция целей мер процессуального принуждения в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 112-120.

25. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 марта 2019 г. [Электронный источник] / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=g7&req=doc&cacheid=84E90BF527FB218E7AC0FB223E67805B&mode=searchcard&base=ARB&n=576613&rnd=lpqEUg#llvr0kUe6qRK1KLd1> (дата обращения: 21.04.2025).

26. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 1026-О-О [Электронный источник] / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=3E02E2A53A2822E1DEAAC043453A3FD6&mode=searchcard&base=LAW&n=119496&rnd=56187534AC06181E24FFFBFDA2E8EAF8#IWqg0kUfVtE6vnAI> (дата обращения: 23.04.2025).

27. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 г. № 676-О [Электронный источник] / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D1EBCA18D2407A341DBE157298D9EC14&mode=searchcard&base=ARB&n=423871&BASENODE=IiIiMiwyMDMsQVJCQSiLiLCIiMiwyLEFSQiIiIg&rnd=Gr2lbw#ItJbVnU8ykgHcA352> (дата обращения: 29.04.2025).

28. Петров А. В. Существенные нарушения уголовно-процессуального кодекса // Актуальные проблемы права: материалы IV Международной научной конференции. Москва: Буки-Веди, 2015. С. 219-222.

29. Петров Д.А. Система мер уголовно-процессуального принуждения: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 215 с.

30. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М. : Проспект, 2018. 320 с.

31. Побегайло Э.Ф. Презумпция неприменения мер пресечения в уголовном процессе России // Уголовное право. – 2019. № 3. С. 68-75.

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 29.11.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2. // Гарант: справочно-правовая система.

33. Рыжаков А.П. Меры процессуального принуждения: Научно-практическое руководство. М. : Экзамен, 2021. 320 с.

34. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 10-е изд., перераб. М., 2019. 615 с.

35. Савицкий В.М. Уголовный процесс: стратегия и тактика. – М. : Юристъ, 2016. 411 с.

36. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова ; вступ. статья В.Д. Зорькина. - 9-е изд., перераб. - Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. 840 с.

37. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 2 / М.С. Строгович. – М. : Наука, 1970. 464 с.

38. Томин В.Т. Уголовный процесс. Актуальные проблемы теории и практики: учебное пособие / В.Т. Томин. – М. : Юрайт, 2010. 376 с.

39. Томин В.Т. Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства / В.Т. Томин. – М. : Юрлитинформ, 2019. 336 с.

40. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

41. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

42. Уголовный процесс: учебник / В.А. Лазарева, И.Л. Бедняков, М.Ю. Жирова [и др.]; под ред. В.А. Лазаревой. - М. : Юстиция, 2022. 367 с.

43. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под ред. Б.Я. Гаврилова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2023. 608 с.
44. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. А.В. Гриненко. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2022. 512 с.
45. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2019. 1056 с.
46. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.М. Лебедева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2022. 1024 с.
47. Федоров А.В. Обеспечительная функция мер уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадиях производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 28 с.
48. Цоколова О.И. Меры процессуального принуждения: проблемы теории и практики применения: Монография. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2019. 312 с.
49. Цоколова О.И. Превентивная функция мер уголовно-процессуального принуждения: теоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. № 2. С. 56-63.
50. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара : Самарский университет, 2018. 188 с.
51. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. 184 с.
52. Якимович Ю.К. О проблеме обоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовный процесс. 2022. № 4. С. 3-9.